

Энжела Полянски

Скрижали
Истории

УДК 758-4
ББК 92 (Арма)
М 77

Составитель, автор комментария Симха Ковальская.
Оформление О. Альголец, К Криенко.

Энжела Полянски
М 77 Скрижали истории: Публицистика; Рассказы/Энжела Полянски;
[Составитель, автор комментария Симха Ковальская]. – М.:
Арма 2020. Тель – Авив. Самиздат.

Энжела Полянски широко известная читателям израильский поэт, прозаик, публицист. Возможно, единственная из русскоязычных литераторов, избежавшая ассимиляции в многочисленном разнообразии восточных культур, и пишущая в кумулятивно-собирательном образтрадиционном русском жанре. Произведения автора отличают незаурядная для современной поэзии целостность, самовыразительная глубина слога и мелодичность. Некоторые из сочинений Энжелы Полянски легли в основу спектаклей, классических русских романсов и песен.

Российский союз писателей не раз оценивал заслуги поэта.

Энжела Полянски является номинантом национальных литературных премий «Поэт года» 2015 – 16 гг. и «Писатель года» 2016 г. Номинант литературной премии «Наследие» 2016 г. Произведения поэта включены в Антологию русской поэзии за 2018 - 19 гг. Удостоена Пушкинской медалью за вклад в развитие русской литературы. Кавалер медали Антона Павловича Чехова.

УДК 758-4
ББК 92 (Арма)
М 77

ISBN 351-1-958-16312-8

Содержание

Русская княжна французского престола.....	1
История одного проклятья.....	10
Не судите да не судимы будете.....	21
Орлеанское чудо.....	24
Диогу Диаш и его остров.....	30
Из истории одного шедевра.....	32
The Pack Saddle Пьера Сюблейра.....	35
Любить до последнего вздоха.....	37
Магда Насмешка судьбы.....	40
Люди - нелюди.....	46
Казнить. Нельзя помиловать.....	52
Совсем не Голливудская история.....	65
Большая история маленьких бактерий.....	68

Русская княжна французского престола

Предисловие

В начале XI века во Франции на смену династии Каролингов пришла и утвердилась династия Капетингов - по имени первого короля династии Гуго

Капета герцога франков. Тех самых, чей потомок Филипп Красивый, три с лишним столетия спустя, отправил на аутодафе великого магистра тамплиеров Жака де Моле. И чей род впоследствии, был предан анафеме несчастным еретиком до тринадцатого колена.

Однако сегодня, мои дорогие читатели, мне хочется рассказать вам совсем другую историю, но не менее увлекательную, а начну я свое повествование с великого князя Киевского, Ярослава Мудрого. Сына крестителя Руси Владимира Святославича (из рода Рюриковичей) и полоцкой княжны Рогенды Рогволодовны, получившего в крещении имя Георгий (Юрий), одного из самых прославленных Древнерусских князей.

Глава первая Ярослав Мудрый

Согласно летописям, Ярослав перенес в раннем детстве паралич ног от которого на всю жизнь у него осталась хромота, и тем не менее, это не мешало ему быть в прекрасной физической форме. В возрасте девяти лет он был отправлен отцом княжить в Ростов, а немного позднее, был переведен в Новгород. Как и все удельные князья, Ярослав уплачивал Киеву ежегодную дань в две тысячи гривен серебра. Однако в 1041 году, он отказался от уплаты дани, предприняв попытку, отделиться от отца и Киева - Града. Конечно же, князь Владимир начал готовить войско с тем, чтобы выступить на родного сына. Ярослав же, узнав о предприятии отца, нанял варягов, дабы с их помощью дать достойный отпор, но неожиданно волею судьбы князь Владимир помер. Пасынок Владимира Святополк, позже названный Окаянным, захватил власть в Киеве и опасаясь соперничества родных детей великого князя, подослал убийц к первым претендентам на Киевский престол Борису и Глебу.

Сестра Ярослава, Предслава, предупредила брата, что Святополк намерен устранить и его со своего пути. Собрав три тысячи новгородцев и тысячу варягов Ярослав, пошел на Киев. В 1016 году, после трехмесячного противостояния, он сошелся со Святополком под Любечем. После массовой атаки новгородцев, разбитый на голову Святополк бежал к своему тестю – королю Болеславу I Храброму в Польшу. Киевский престол отошел к Ярославу.

Однако в 1018 году Святополк вместе с Болеславом изгнали Ярослава из Киева. Ярослав бежал в Новгород, он бы убежал и дальше, за море, да только предприимчивые новгородцы порубили его ладьи, обещав при этом полную поддержку в борьбе за Киев - Град. Собрав достаточное количество денег они вновь наняли варягов, и с их помощью пошли на Святополка. В 1019 году на Альте после полной победы, Ярослав Мудрый окончательно утвердился на Киевском престоле.

В 1021 году Ярослав начал безуспешную борьбу с полоцким князем Брячиславом, которому был вынужден, к сожалению, отдать города Усвят и Витебск. В 1024 году он уступил Мстиславу Удалому часть земель к востоку от Днепра, а еще через несколько лет попытался расширить границы своего княжества на севере и северо - западе, и уже к 1030 – 1031 годам вернул часть земель захваченных некогда поляками. В то же самое время он утвердил свою власть по западному берегу Чудского озера в борьбе с племенем чудь.

После смерти Мстислава Тмутараканского в 1036 году Ярослав овладел всей Северной землей, добившись относительного единства государства. Укрепив оборону от набегов печенегов по реке Рось в 1036 году, князь Ярослав разбил их, после чего практически, и прекратились набеги печенегов на измученную русскую землю.

К 1037 году Великий князь объединил в своих руках почти всю территорию Древнерусского государства.

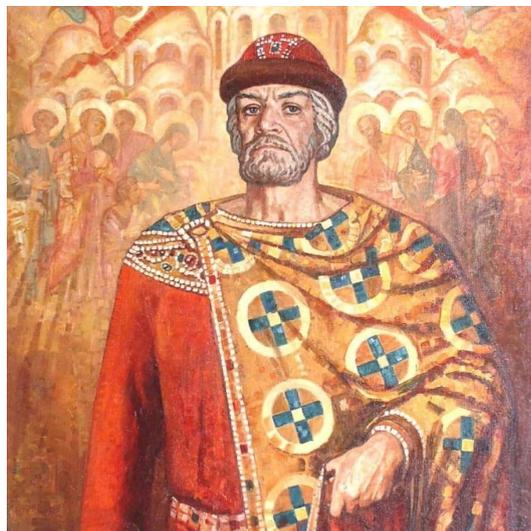
И здесь должно заметить, что правление Ярослава Мудрого было временем экономического роста и процветания, а это, безусловно, дало возможность украшать столицу государства Российского по примеру Константинополя. В Киеве появились Золотые ворота, Софийский собор, в 1051 году был заложен Киево - Печерский монастырь - высшая школа русского духовенства. В Новгороде в 1045-1052 годах возвели храм Святой Софии. Ярослав Мудрый, представитель нового поколения грамотных, просвещенных христиан, создал большую библиотеку русских и греческих книг. Он так же почитал и церковные уставы. В 1051 году Ярослав сделал русскую православную церковь независимой от Византии и самостоятельно, без ведома Константинополя, назначил русского митрополита Иллариона. Ранее митрополиты - греки назначались исключительно византийским патриархом.

Великий князь внес огромный вклад и в укреплении международного положения Древней Руси, а также, связей с Западной Европой, используя династические браки членов своей семьи.

Дело в том, что на Руси, так же, как и в Европе, брачные союзы составляли не менее важную часть внешней политики. А потому, Ярослав породнился со многими королевскими домами Европы.

Его сестры и дочери, вступая в брак с европейскими королями, помогали Руси устанавливать дружественные отношения со странами Европы, а так же решать международные проблемы. Ну и формирование менталитета будущих государей во многом определялось мировоззрением матери, ее родственными связями с королевскими дворами других государств.

На сестре Ярослава Мудрого, Доброгневе, женился Польский князь Казимир. Сын Ярослава Изяслав, взял в жены сестру Польского короля Казимира, другой сын – Всеволод – женился на Греческой царевне, и еще двое – на Немецких княжнах. Норвежский король Гаральд заключил брачный союз с дочерью Ярослава Елизаветой, Венгерский король Андрей – с дочерью Анастасией. Ну а младшей дочери великого князя Ярослава Мудрого, Анне Ярославне, предстояло стать королевой Франции.

Глава II

Русская княжна французского престола

Во второй половине 1040 - х годов отношения между Германией и Францией резко ухудшились, Генрих I возобновил французские притязания на Лотарингию и искал союзников против императора. Ярослав Мудрый в преддверии войны с Византией пытался заручиться союзом с Германией. По сообщению хрониста Ламберта Ашаффенбургского в начале 1043 года в Гослар прибыло посольство Ярослава с богатыми дарами и предложением Германскому императору руки одной из его дочерей.

Однако Генриха III не соблазнили дары великого князя и он предпочел жениться на Агнесе Аквитанской, дочери Гильома V, могущественного правителя, способного помочь ему против короля Франции, а так же против беспокойных бургундских феодалов. Тогда Ярослав решил укрепить союз с Польшей и Венгрией, и к концу 1040 - х годов цепь стран, связанных матримониальными союзами, протянулась от Скандинавии до Византии, охватывая всю восточную

границу империи. Видимо именно Андраш I Венгерский король, находившейся во враждебных отношениях с Германией и заинтересованный во французском союзе, и предложил Генриху I заключить брачный союз с дочерью русского князя.

Часть первая

В 1048 году в далекий Киев - Град, французский король Генрих I Капетинг направил довольно пышное посольство. Послам было поручено получить согласие на брак одной из дочерей Киевского князя с Генрихом, ибо даже до Франции «Дошла слава о прелестях юной княжны, именно Анны, дочери Георгия (Ярослава)». Король велел передать, что он «Очарован рассказом о ее совершенствах». Ну и не мудрено, Анна была красива, по преданиям у нее была

длинная золотая коса.

Кроме того, юная княжна, выросшая под надзором матери Ингигерды (1019 – 1050) дочери шведского короля, получила блестящее по тем временам образование. Она безупречно знала греческий, латынь, а также азы врачевания. «Прилежна к книгам в доме своего отца».

Послы короля Франции, недавно овдовевшего Генриха I, отправились в Киев весной, в апреле.

Посольство продвигалось довольно медленно.

Кроме послов, обоз составляли многочисленные повозки, как с припасами на долгий путь, так и с богатыми дарами. В подарок князю Ярославу Мудрому предназначались великолепные боевые

мечи, заморские сукна, драгоценные серебряные чаши.

Многочисленный и грузный кортеж спускался по Дунаю на ладьях, затем на лошадях шел через Прагу и Краков. Путь хоть и не самый близкий, но самый проторенный и безопасный. Эта дорога считалась наиболее удобной, да и к тому же многолюдной. По ней шли торговые караваны на Восток и на Запад.

Возглавлял посольство шалонский епископ Роже, из знатного рода графов Намюрских. Вечную проблему младших сыновей - красное или черное - он решил, выбрав сутану. Незаурядный ум, знатное происхождение, хозяйская хватка помогли ему успешно вести земные дела. Его блестящие дипломатические способности не раз использовал король Франции.

Однако кроме него в посольстве был епископ города Мо, ученый богослов Готье Савейер, который вскоре стал учителем и духовником королевы Анны.

Когда французское посольство прибыло в Киев за невестой, то неизбежно остановились перед Золотыми воротами столицы Древней Руси, полные

неподдельного удивления и восторга. Брат Анны, Всеволод Ярославич, встретив послов, легко и непринужденно объяснялся с ними на латыни.

Часть вторая

14 мая 1049 года Анна прибыла во Францию в Реймс, где традиционно проводились коронации в церкви Святого Креста, привезя туда из Киева собственное Евангелие. Она отказалась присягать при возложении на ее голову золотой французской короны на латинской Библии и принесла клятву на славянской церковной рукописи.

Впрочем, под влиянием многих обстоятельств Анне все же пришлось принять католичество, но в этом дочь Ярослава проявила великую мудрость, и как французская королева, и как мать наследника короля Франции, Филиппа I. Париж не пришелся Анне по душе. Несмотря на то, что к той поре из скромной резиденции каролингских королей он превратился в главный город страны и получил статус столицы. Анна Ярославна писала отцу, что попала в какую - то деревню, где нет дворцов и соборов коими богат Киев - Град.

«В какую варварскую страну ты меня послал, здесь жилища мрачны, церкви безобразны, а нравы ужасны».

Однако ей было суждено стать королевой именно этой страны, где даже королевские придворные были неграмотными.

19 мая 1051 года Пятидесятницу состоялась свадьба Анны Ярославны и Генриха I.

В 1052 году Анна родила королю наследника Филиппа I, а затем ещё троих детей. При этом о её отношениях с супругом довольно трудно сказать что - то определенное, но тем не менее, на основании косвенных данных (после 1054 имя Анны редко встречается в королевских хартиях, где упомянуты её дети, а в подробном отчете о коронации Филиппа в 1059 про королеву не сказано ни слова), из этого можно предположить, что король разочаровался в своем русском браке. Причинами могли стать свойственное Генриху женоненавистничество, а также недовольство тем, что союз с Востоком не

оправдал его надежд. Только в последние месяцы жизни Генриха, когда он уже не принимал большого участия в управлении государством королевская канцелярия вновь начала упоминать Анну в документах.

«Слух о ваших добродетелях, восхитительная дева, дошел до наших ушей, и с великою радостью слышим мы, что вы выполняете в этом очень христианском государстве свои королевские обязанности с похвальным рвением и замечательным умом».

Супруга французского короля, мать наследника французского престола, дочь киевского князя Ярослава Мудрого, в отличие от своего венценосного супруга подписывалась своим именем на латыни на государственных документах - Анна Реина

В годы царствования Генриха и Анны Ярославны во Франции наблюдался экономический рост, возрождались города - Марсель, Тулуза, Лион, Бордо, Руан. Процесс отделения ремесла от земледелия шел гораздо быстрее, чем во времена их предшественников. Города росли и освобождались от власти сеньоров, то есть от феодальной зависимости. Это влекло за собой развитие товарно - денежных отношений, налоги с городов приносили государству немалый доход, который способствовал дальнейшему укреплению государственности.

Генрих I, как и его отец Роберт, вел экспансию на восток. Внешняя политика Капетингов отличалась расширением международных отношений. Франция обменивалась посольствами со многими странами, в том числе с Древнерусским государством, Англией, Византийской империей.

Король укреплял власть увеличивая свои земли, превращая их в королевский домен, то есть в компактные плодородные земли на которых он был полновластным хозяином.

Капетинги утвердили принцип наследственности и соправительства королевской власти. Наследных принцев приобщали к управлению государством и короновали еще при жизни царя. Именно соправительство в течение трех веков, и сохранило французскую корону.

Часть третья

4 августа 1060 года в замке Витри – о - Лож, недалеко от Орлеана, в разгар приготовлений к войне с английским королем Вильгельмом Завоевателем умер Генрих I. В возрасте двадцати восьми лет Анна Ярославна овдовела.

Но коронавание венценосного наследника Филиппа I, как соправителя Генриха I состоялось еще при жизни отца, в 1059 году. На момент смерти Генриха, Филиппу было всего восемь лет.

Филипп I царствовал 48 лет, с 1060 года по 1108 год.

Завещанием король Генрих назначил Анну Ярославну опекушкой сына. Однако

Анна, мать молодого короля, осталась королевой и стала регентшей, но опекунство увы, по обычаю того времени, она не получила. Опекуном мог быть только мужчина, им и стал шурин Генриха I граф Фландрский Бодуэн.

По традициям средневековья вдовствующую королеву Анну выдали замуж.

Вдову взял в жены граф Рауль де Валуа. Он слыл одним из самых непокорных вассалов (опасный род Валуа и раньше старался низложить Гуго Капета, а потом Генриха I), но тем не менее всегда оставался приближенным к королю.

Граф Рауль де Валуа - сеньор многих владений, да и воинов имел не меньше, чем король. Анна Ярославна жила в укрепленном замке мужа Мондидье.

Однако существует и другая версия, более романтическая, о втором замужестве Анны Ярославны.

Предположительно Граф Рауль влюбился в Анну с первых дней ее появления во Франции. И только после смерти короля осмелился открыть ей свои пламенные чувства. Да только для Анны Ярославны на первом месте был долг королевы - матери, но Рауль проявил незаурядную настойчивость и похитил Анну. Со своей прежней женой граф расстался, уличив ее в неверности. После развода брак с Анной был заключен по церковному обряду.

Их супружеская жизнь была почти безоблачной, но ее омрачали отношения детей к Анне Ярославне. Любимый сын, король Филипп несмотря на то, что относился к матери с неизменной нежностью, но в ее советах и участии в королевских делах уже не нуждался. А сыновья Рауля от первого брака, Симон и Готье, не скрывали своей неприязни к мачехе.

1074 году Анна Ярославна вновь овдовела. Не желая зависеть от пасынков, она покинула замок Мондидье и вернулась в Париж к царствующему сыну. Филипп I окружил стареющую мать вниманием, Анне Ярославне было уже больше 40 лет. Младший ее сын, Гуго, женился на богатой наследнице, дочери графа Вермандуа. Этот брак помог ему узаконить захват земель графа.

Часть четвертая

Анна всегда с большим нетерпением ожидала вести из дома. Вскоре после ее отъезда из Киева умерла мать. Через четыре года после смерти жены, на 78-м году жизни, отошел в мир иной и отец, великий князь Ярослав Мудрый. Престарелому и больному Ярославу не хватило решимости оставить верховную власть кому - то одному из сыновей. Европейский принцип соправительства им не был использован. Свои земли он поделил между сыновьями, завещая им жить в согласии, почитая старшего брата. Владимир получил Новгород, Всеволод - Переяславль, Вячеслав - Суздаль и Белоозеро, Игорь - Смоленск, Изяслав - Киев, а поначалу и Новгород. Таким решением Ярослав заложил новый виток борьбы за великокняжеский престол. Трижды смещали Изяслава, дважды возвращался на престол любимый брат Анны Всеволод Ярославич. В 1053 году после женитьбы Всеволода Ярославича на византийской императрице Анастасии у него родился, сын племянник Анны Ярославны, который вошел в историю как Владимир Мономах (великий князь Киевский в 1113 - 1125 годах).

Последние годы жизни Анне жилось слишком мрачно и тоскливо. Из жизни ушли все родные и близкие ей люди. Во Франции умер ее учитель и наставник епископ Готье. Погиб муж любимой сестры Елизаветы, король Норвегии Гарольд. Не осталось никого, кто некогда составлял часть ее жизни. Анна решила путешествовать.

В этот период бытия бедная, все еще изящная и красивая Анна Ярославна была подобна сирому осеннему листу, гонимого жестокими ветрами судьбы, под натиском непримиримых гроз самой жизни. В один из дней ей стало известно, что старший брат, Изяслав Ярославич, потерпев поражение в борьбе за Киевский престол, находится в Германии, в городе Майнце. Генрих IV Германский был дружен с Филиппом I (оба конфликтовали с Папой Римским), и Анна Ярославна отправилась в путь, рассчитывая на добрый прием. Прибыв в Майнц, она узнала, что Изяслав уже перебрался в город Вормс. Анна упрямо продолжила путешествие, но заболела в дороге. В Вормсе ей сообщили, что Изяслав уехал в Польшу, а его сын - в Рим к Папе. Не в тех государствах, по мнению Анны Ярославны, следовало искать друзей и союзников для Руси. Горести и болезнь сломили несчастную женщину.

В 1082 году в возрасте 50 лет Анна Ярославна покинула мир земной. Никаких сведений о месте ее захоронения увы, не найдено, ни в усыпальнице Сен - Дени, где погребен Генрих I, ни в Сен - Бенуа - сюр - Лаур, где покоится прах Филиппа I. Однако существуют некоторые основания полагать, что Анна была похоронена в Сен - Венсане, но захоронение исчезло при последующих перестройках монастыря.

Мне же хочется верить, что в конце жизни Анна вернулась на родину, и ее тело было преданно родной земле.

Послесловие Реймское Евангелие

С именем Анны в XVIII - XIX веках часто связывалась церковнославянская пергаментная рукопись, хранящаяся в Реймском соборе, с XVI века на ней присягали французские короли. Считается, что эта самая рукопись, её первая часть написана кириллицей, вторая глаголицей, была завезена во Францию именно Анной Ярославной.

История одного проклятья

Эта история произошла в Средние века, но она до сих пор привлекает внимание не только историков и писателей, но и любителей всего загадочного.

«На огромные холодные глаза Филиппа Красивого ни разу, даже сейчас, не опустились веки.

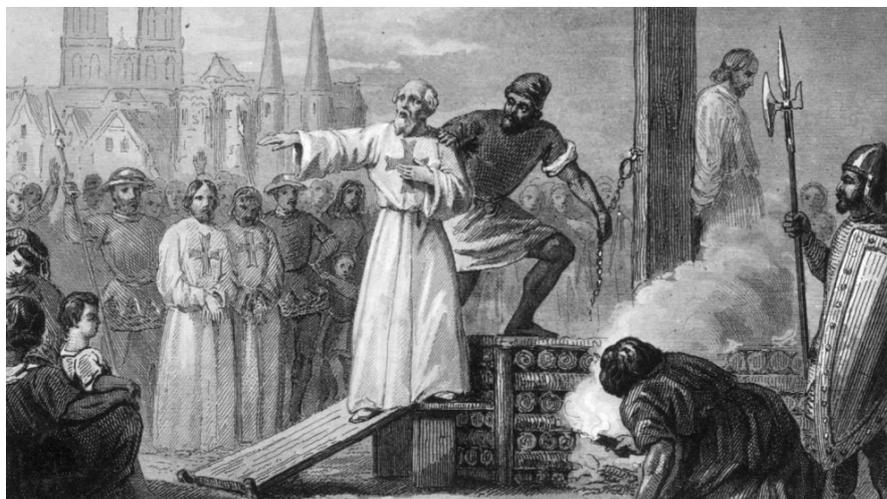
Внезапно завесу пламени прорвал голос Великого магистра, и слова его были обращены ко всем и к каждому и беспощадно разили каждого. И так неодолима была сила этого голоса, что казалось, принадлежит он уже не человеку, а идет из нездешнего мира. Жак де Моле снова заговорил, как нынче утром, на паперти собора Парижской Богоматери.

- Позор! Позор! - кричал он. - Вы все видите, что гибнут невинные.

Позор на всех вас!

Господь Бог нас рассудит!

Коварный язык пламени подкрался к нему, опалил бороду,

в мгновение ока уничтожил бумажную митру, поджег седые волосы.

Толпа безмолвствовала в оцепенении. Людям казалось, что на их глазах жгут безумного пророка.

Лицо Великого магистра, пожираемого пламенем, было повернуто к королевской галерее. И громовой голос, сея страх, вещал:

- Папа Климент... рыцарь Гийом де Ногарэ, король Филипп... не пройдет и года, как я призову вас на суд Божий и воздастся вам справедливая кара!

Проклятие! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Пламя закрыло ему рот и заглушило последний крик Великого магистра. И в течение минуты, которая показалась зрителям нескончаемо долгой, он боролся со смертью.

Наконец тело его, перегнувшись пополам, бессильно повисло на веревках.

Веревки лопнули. Великий магистр рухнул в бушующий огонь, и из багровых

языков пламени выступила поднятая рука. И пока не почернела, не обуглилась, все еще с угрозой вздымалась к небесам.

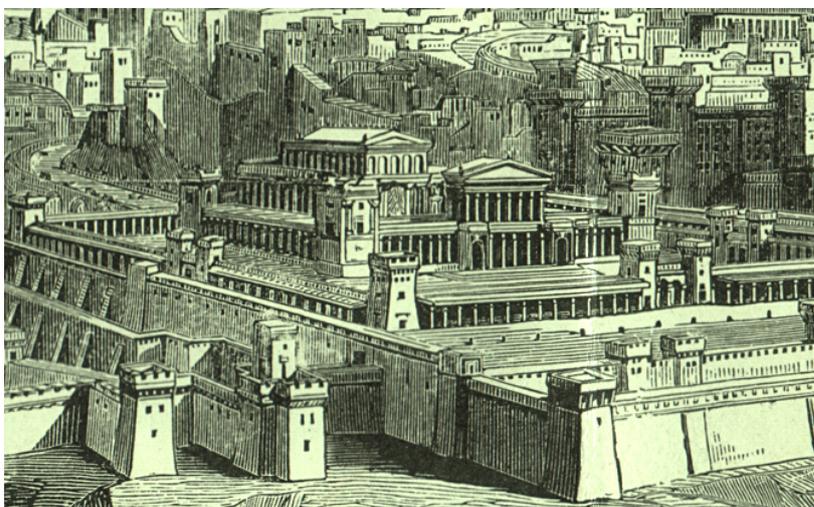
Толпа, напуганная проклятиями тамплиера, не трогалась с места, и тяжелые вздохи, неясный шепот выражали растерянность, тревожное ожидание. Всей своей тяжестью навалились на людей ночь и ужас: мрак победил свет, падавший от затухавшего костра».

Заключение 8 главы «ПРИЗОВУ НА СУД БОЖИЙ»

Морис Дрюон «Железный король»

Великий магистр ордена тамплиеров Жак де Моле – фигура безусловно из ряда вон выходящая, его жизнь и мученическая смерть послужили поводом для мифологизации рыцарства, а сам он стал прообразом борца против церкви и королей, вдохновителем многих поколений революционеров и атеистов всех мастей.

А началось все с крестового похода, который был ознаменован взятием Иерусалима в 1099 г. и основанием на Святой Земле христианского государства. Через 19 лет девять французских рыцарей во главе с Хуго де Пэйнсом дворянином из Шампани, основали знаменитый орден рыцарей Храма.

Свое название «Тамплиеры» или иначе, «Храмовники» воины - монахи получили потому, что их резиденцией поначалу служило здание, находившееся с южной стороны дворца иерусалимского короля Болдуина I и примыкавшее к церкви Гроба Господня. Ранее

оно было мечетью Аль-Акса, святыней мусульман, грандиозным сооружением XI века, которое поддерживали 280 титанических колонн. На том же месте, по древнему преданию, находился и храм царя Соломона. По-французски «Tour du Temple», отсюда и название ордена.

В обязанности тамплиеров входили забота о дорогах и охрана паломников на их пути к Храму Христову.

Изначально устав ордена гласил:

«Пусть рыцари обладают прочным, но простым оружием, лишенным золотых или серебряных украшений; сверху железного панциря да носят они форменный белый плащ, на котором нашит большой красный крест. Рыцари, принадлежавшие к ордену, не должны иметь собственности, даже если орден будет богат. Они не могут целовать женщин, в том числе родных сестер и мать. В комнате, где спит рыцарь, он должен держать зажженную свечу из опасения, что над ним может взять верх дух тьмы».

По возвращении домой, в Европу в 1127 году, всех девяти рыцарей встретили с величайшим триумфом. В январе следующего года в Труа был созван собор во главе со Святым Бернардом Клервоским, который официально утвердил орден тамплиеров и признал его как военно-монашеский. Орден, как и положено, был освящен и получил полный устав, согласно которому тамплиеры получили довольно широкие права. В том числе право принимать в свою среду рыцарей, отлученных от церкви за неблаговидные поступки. Новый устав определил и особые прерогативы магистра ордена, который мог по собственному усмотрению менять те или иные статьи устава и фактически становился независимым от какой-либо вышестоящей церковной инстанции.

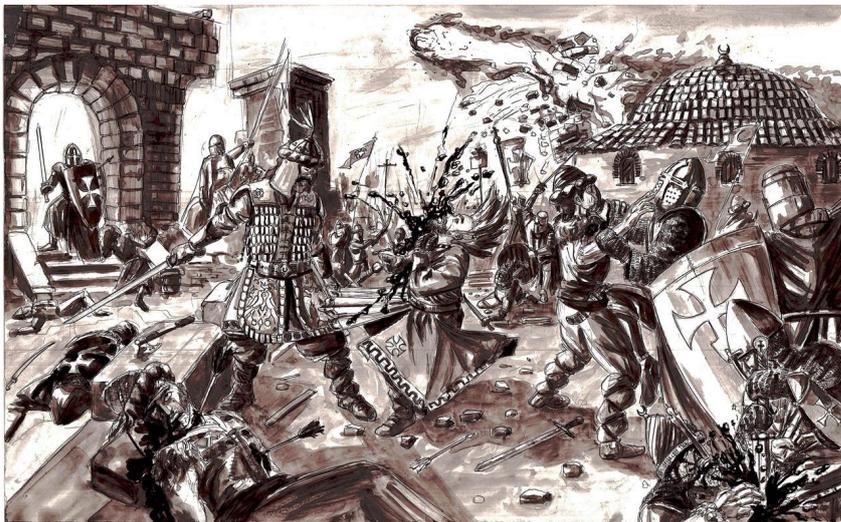

Вот тогда-то дела ордена с головокружительной быстротой и пошли в гору. Покровительство Святого Бернарда придало храмовникам исключительное значение в глазах венценосцев, патриархов церкви и всего католического мира. В орден стали притекать многочисленные пожертвования, а число его членов росло с невероятной скоростью, поскольку весь цвет европейского рыцарства желал быть причастным к братству освободителей гроба Господня. Щедрое пожертвование заложило прочный фундамент финансового благополучия ордена, позднее многократно преумноженного коммерческими операциями храмовников.

Уже в XII веке монахи владели большими земельными наделами, прежде всего, конечно же во Франции. Исключительные права они получили в Португалии, где им была предоставлена обширная область между Коимброй и Лейрой, которую они должны были защищать от арабов. Здесь, как и в Палестине,

тамплиеры строили крепости, привлекали колонистов и принимали в вассальную зависимость мирное население. Постепенно владения рыцарей Храма появились по всей Европе.

В казне ордена скапливались немыслимые, баснословные богатства. В 1191 году тамплиеры купили у английского короля Ричарда I остров Кипр за 100 тысяч византийских динаров. В 1307 году орден имел уже 10500 мануариев несмотря на то, что

к этому времени тамплиеры потеряли все владения на Востоке. Однако, пока орден копил богатства, дела на Святой земле шли отнюдь вон плохо. В 1144 году мусульмане овладели Эдессой, одним из важнейших опорных пунктов, прикрывавших

Иерусалимское королевство с севера. В 1187 году Саладин овладел Иерусалимом, и резиденция тамплиеров была перенесена в Храм паломников под Акрой. В 1244 году крестоносцы потерпели сокрушительное поражение в битве под Газой. Погибло и было взято в плен более чем половина воинов — монахов.

Тем не менее, тамплиеры довольно - таки быстро оправались от этого удара, и как ни в чём не бывало, продолжили копить богатства, не ведая, что главная для них опасность будет порождена в колыбели, где некогда был дан толчок к росту их величайшего могущества.

А во Франции же вступали в силу новые политические процессы. Довольно отчетливо прослеживалась движению от феодальной раздробленности к феодальной централизованности. Королевская династия Капетингов вела политику союза королевской власти с городами. Благодаря этому союзу французские короли, наконец, сумели осилить своих вассалов и нанесли ряд ударов традиционным врагам Франции — английским королям, и тем самым увеличили территорию своих владений.

Надо бы заметить, что этот союз был в равной степени выгоден и горожанам, так как облегчал их борьбу с феодалами, содействовал развитию ремесел и торговли, закладывая основы единого внутреннего рынка.

Конечно же в проведении подобной политики интересы французских королей столкнулись с интересами римских пап, которым усиление светской власти грозило ослаблением власти церковной. Решающее столкновение произошло между королем Филиппом Красивым и папой Бонифацием VIII в начале XIV

века. В 1301 году в ответ на судебное преследование одного южно - французского епископа, ставленника римской курии, папа направил Филиппу грозное послание. Он обвинял короля в тирании, дурном управлении страной, порче монеты, запрещал ему собирать налоги с духовенства и под угрозой отлучения от церкви вызывал к себе на суд.

Но Филипп IV имел наглость, заявить, что речь идет об оскорблении всей нации и созвал 11 апреля 1302 года в соборе Notre – Dame de Paris представителей трех сословий. Добившись их поддержки, Филипп порвал и сжег папскую грамоту.

Упрямый Бонифаций VIII на свою же беду решил воплотить в жизнь свою угрозу об отлучении Филиппа Красивого от церкви, для чего выехал в Ананьи, где находились его дворец и собор, с амвона которого провозглашались подобные решения.

Однако верный друг французского короля канцлер Гийом де Ногаре, доктор права и профессор законовещения, член королевского совета, загодя отправился в Италию, где стал вербовать врагов папы, как среди простонародья, так и среди знати. В довершение всего де Ногаре ворвался в папские покои и потребовал у Бонифация отречения от папского престола и даже ударил его по лицу железной рыцарской перчаткой. Ну разве можно выдержать такое потрясение, через несколько дней упрямец старик скончался.

Следующий римский папа Бенедикт IX вознамерился осудить и уничтожить столь ненавистного канцлера, но 7 июля 1304 года, вдруг неожиданно умер. Вполне возможно, отправиться к праотцам ему помогли люди де Ногаре. Выборы нового папы обернулись фарсом длиной в девять долгих и мучительных месяцев, пока 5 июня 1305 года кардиналы не выбрали папой под именем Климента V француза, епископа Бордосского. Под давлением Филиппа, резиденцией Климента стал Авиньон. С этого момента началось семидесятилетнее авиньонское пленение пап.

А тем временем, росло недовольство французского народа к тамплиерам. Храмовники вытеснили предпринимателей и финансистов отовсюду, где пахло выгодными сделками, бедняки же ненавидели их как кровопийц, берущих огромные проценты даже за самую крошечную ссуду. Кроме того окруженные тайной, они исповедовались лишь у орденовских капелланов и не допускали посторонних на свои церемонии.

Немудрено, что из - за этой таинственности поползли слухи, будто рыцари Храма давно впали в ересь, заразившись ею на Востоке, будто они заставляют вступающих в орден, отречься от Иисуса Христа и плевать на его распятие, что они ведут богослужения по испорченным книгам и служат дьяволу.

Естественно, рано или поздно это должно было привлечь внимание правящего

монарха, что и случилось. Филипп Красивый решил, что пришло время расправиться с тамплиерами, а заодно безусловно, в первую очередь, наложить лапу на их несметные богатства, как раз и повод подвернулся. Под подозрение взяли проявляемый храмовниками весьма активный интерес к военному делу.

Вербовка новых воинов, укрепление старых крепостей, строительство цитаделей закупка оружия и боевых коней.

По настоятельным просьбам короля, весной 1307 года папа Климент V вызывал Великого магистра ордена Жака де Моле с Кипра, где тот вел подготовку к высадке экспедиции в Сирию. Магистр в сопровождении почти королевской свиты из 60 рыцарей, легкой кавалерии и чернокожих рабов прибыл во Францию.

Встреча состоялась в Пуатье. Филипп выказал крайнее недовольство об ордене папе. Жак де Моле уверял, что все обвинения продиктованы злобной завистью. Магистр потребовал, чтобы папа сам лично в качестве верховного арбитра рассмотрел дело и вынес свое решение. Климент V, стараясь всеми силами добиться компромисса в этом щекотливом деле, все же заявил, что не пойдет на серьезные уступки королю.

Однако ничто не могло заставить Филиппа IV отказаться от своего решения. Железный король решил действовать при помощи святой инквизиции помимо папы, но таким образом, чтобы постепенно втянуть в дело и его, пусть хотя бы и против собственной воли. Святая инквизиция не стала чинить препятствия, и после ряда консультаций с королем главный инквизитор Гийом Имбер возбудил, наконец, дело против некоторых храмовников.

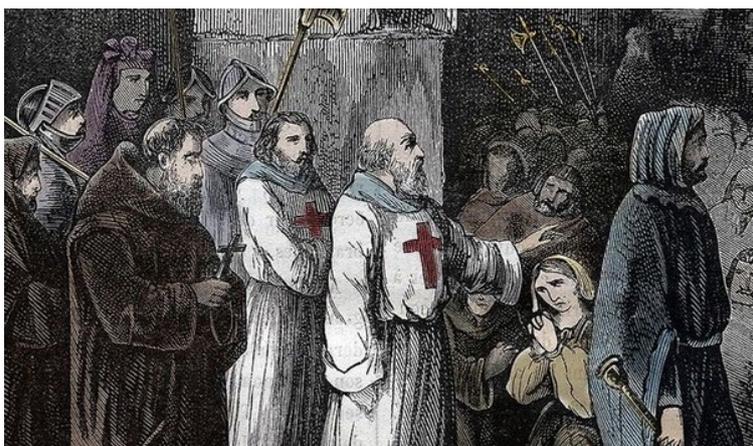
Заплечных дел мастера с большим опытом, конечно же, вырвали у них немало «чистосердечных признаний», так как в ночь на 13 октября 1307 года король отдал приказ арестовать всех тамплиеров, находившихся на территории Франции. Монахам - воинам предстояло держать ответ перед инквизиционным трибуналом в качестве «свидетелей». Одновременно было конфисковано и все имущество рыцарей Храма.

Словно предвидя будущее, Жак де Моле успел сжечь многие документы и рукописи ордена. А также отправить письма во все орденские дома. В ночь на 12 октября 1307 года перед волной арестов тамплиеры вывезли сокровища ордена из Парижа и доставили их в порт La Rochelle, где погрузили на 18 галер, которые отбыли в неизвестном направлении и исчезли навсегда.

«После ареста Великого магистра и 1250 храмовников под стенами орденской резиденции началось разнузданное празднество. Толпы парижан, желая отомстить тамплиерам за их спесь, сбегались к замку. Из погребов выкатили бочки, и вино потекло рекой. Кухни разграбили. Всю ночь народ пировал при свете факелов. Утром, несмотря на дождь, люди все еще теснились вокруг костров, разведенных под открытым небом. Пьяницы, храпели на голой земле, публичные девки, надев на себя белые рыцарские плащи, отплясывали непристойные танцы, а увешанные серьгами цыганки били в тамбурины. В огонь летели вязанки хвороста, вокруг бесновались пьяные хороводы».

Морис Дрюон «Железный король»

А тамплиеры предстали перед судом. 136 храмовников под страшными пытками давали нужные показания. Великому магистру раздробили обе ноги, отдавили пальцы рук, грудь прижгли раскаленным железом, а потом вздернули на дыбу. Расследования, допросы и процессы длились нескончаемо долго.

12 августа 1308 года кардиналы получили папскую буллу лицемерно названной «Творя милосердие», где Климент V сообщал о гнусностях иерархов ордена, которые «В присутствии двух кардиналов признались в совершении чудовищных обрядов посвящения, а также поведали

о других ужасных и позорных делах, о коих папа из стыда желал бы умолчать». К весне 1314 года обвинительный приговор против тамплиеров был готов. 17 марта в Notre-Dame de Paris собрались судьи во главе с Гийомом де Ногарэ и епископом Санским.

В качестве главных подсудимых в собор были доставлены бывшие руководители Ордена Храма: Великий магистр Жак де Моле, генеральный визитатор Юг де Пайрандо, приор Нормандии Жоффруа де Шарне и командор Аквитании Жоффруа де Гонвилль.

Четыре старца в грязных лохмотьях, измученные семилетним заключением, голодом, пытками и унижениями, стояли перед королевским трибуналом, блистающим яркими одеждами и драгоценностями.

Король потребовал распустить Орден Храма, но созванный папой в октябре 1311 года во Вьене XV-й Вселенский собор отказался уничтожить самый славный и могущественный союз рыцарей - крестоносцев: лишь четыре

кардинала из 140 проголосовали за упразднение ордена! Кардиналы требовали беспристрастного расследования. Тогда Филипп появился на соборе во главе войска и силой заставил перетрусившего папу единолично распустить орден. 2 мая 1312 года Климент V подписал буллу «К провидению Христова наместника», согласно которой Орден Храма был распущен, а его имущество - передано Ордену госпитальеров.

Таким образом, Святой Престол предал тамплиеров...

Под диктовку канцлера де Ногарэ, королевский суд выдвинул чудовищные обвинения тамплиерам. Подсудимым инкриминировали поклонение дьяволу по имени Бафомет, воинов христовых, сражавшихся и умиравших в Палестине во имя Христа, обвинили в убийстве и людоедстве детей, в принуждении женщин к абортам, в отречении от Господа Бога поспрашивая креста ногами и в плеваньи на него. Предъявлялись так же такие обвинения, как мужеложство.

Торжественный голос папского легата кардинала Альбано, зачитывавшего бредовый приговор, величаво плыл под огромным куполом собора. Казалось, тамплиеры были раздавлены тяжестью выдвинутых против них обвинений. Но на первый взгляд, сломленный морально и физически, вдруг Великий магистр неожиданно громким, громовым голосом, так, чтобы слышал народ, произнес:

- Протестую!

Справедливость требует, чтобы в этот ужасный день, в последние минуты моей жизни я разоблачил всю низость лжи и дал восторжествовать истине. Итак, заявляю перед лицом Земли и Неба, утверждаю, хотя и к вечному моему стыду: я действительно совершил величайшее преступление, но заключается оно в том, что я признал себя виновным в злодеяниях, которые с таким вероломством приписывают нашему ордену. Я говорю, и говорить это вынуждает меня истина: орден невиновен; если я и утверждал обратное, то только для прекращения чрезмерных страданий, вызванных пыткой, и умиловления тех, кто заставлял меня все это терпеть. Я знаю, каким мучениям подвергли рыцарей, имевших мужество отказаться от своих признаний, но ужасное зрелище, которое мы сейчас видим, не может заставить меня подтвердить новой ложью старую ложь. Жизнь, предлагаемая мне на этих условиях, столь жалка, что я добровольно отказываюсь от сделки...

Однако королевский страж заткнул рот магистру, но молчавший до того Жоффруа де Шарне, успел крикнуть:

Мы рыцари Христа, устав наш святой, справедливый и католический...

Разумеется, Филипп Красивый пришел в ярость. Он и его помощники потратили семь лет на то, чтобы уничтожить орден и присвоить богатства тамплиеров,

а каких - то два старика, полностью находящиеся во власти инквизиции, осмелились возражать против королевского обвинения. По требованию алчного короля, великий магистр и приор Нормандии были приговорены к сожжению. 18 марта 1314 года Жака де Моле и Жоффруа де Шарне в бумажных колпаках еретиков сожгли на Еврейском острове - как раз напротив королевского дворца. Филипп и его свита любовались казнью из окон дворцовой галереи. В последний момент над любопытствующей толпой пронесся голос Великого магистра:

- Папа Климент! Король Филипп! Гийом де Ногарэ! Не пройдет и года, как я призову вас на Суд Божий! Проклинаю вас! Проклятие на ваш род до тринадцатого колена!..

Задыхаясь в языках пламени, Жак де Моле предал анафеме папу, короля, Ногаре и все их потомство на вечные времена, предрекая, что оно будет унесено великим смерчем и развеяно по ветру.

Вот с этого и начинается самое загадочное. Предсмертное предсказание Жака де Моле осуществилось, и довольно скоро. Через месяц после аутодафе на Еврейском острове, 20 апреля 1314 года предатель - папа умер от внезапного приступа дизентерии - Климента V свели в могилу кровавый понос и приступы рвоты. Еще через месяц в страшных муках скончался канцлер Ногарэ. 29 ноября 1314 года неожиданно умер король Филипп, всегда отличавшийся завидным здоровьем.

«Нет, это было еще не все, и не был еще окончен последний день короля Франции.

- А теперь, государь, вы должны передать своему наследнику королевское чудо,- сказал брат Рено.

По его приказу все покинули опочивальню, дабы король мог передать сыну своему, согласно обряду, мистическую власть, которой обладают владыки земли Французской, могущие чудом исцелять золотуху.

Откинув голову на подушки, Филипп Красивый простонал:

- Брат Рено, вот она, тщета мира. Вот он, король Франции!

В предсмертную минуту от него еще требовали последнего усилия, дабы научил он своего преемника исцелять одну из самых невинных болезней.

Не сам Филипп Красивый обучал сына обряду, не он говорил сакраментальные слова: он забыл их. Брат Рено выполнил за короля весь обряд. И Людовик Наваррский, преклонив колена у отцовского одра и сжимая горячими ладонями ледяные руки короля, стал обладателем тайного наследства.

Когда церемония была окончена, придворным снова разрешили войти в государеву опочивальню; брат Рено начал творить молитвы, а присутствующие вполголоса повторяли священные слова.

Когда они начали хором читать стих: "In manus tuas Domine..." - "В руки твои. Господи, предаю дух свой..." - вдруг открылась дверь - это вошел Пьер де Латиль. Все взгляды обратились к нему, и, хотя уста всех бездумно бормотали слова молитвы, все глаза были прикованы к епископу Шалонскому.

- В руки твои. Господи... - подхватил епископ Латиль, присоединив свой голос к голосам молящихся.

Потом кто-то обернулся к постели. И слова молитвы замерли у всех на губах: Железный король испустил дух.

Брат Рено подошел к постели, чтобы закрыть глаза умершему. Но веки, которые никогда не опускались, упрямо не желали опускаться. Дважды Великий инквизитор пытался закрыть глаза Филиппа, но тщетно. Пришлось прибегнуть к повязке. Король Франции входил в Вечность с широко открытыми глазами».

Заключение 9 главы «ТЕНЬ ПРОСТЕРЛАСЬ НАД КОРОЛЕВСТВОМ»

Морис Дрюон «Железный король»

Судьбу короля разделили и три его сына, которых окрестили в народе «проклятыми королями». На протяжении 14 лет (1314—1328 гг.) они погибли один за другим при весьма странных обстоятельствах, не оставив после себя потомства. Со смертью Карла VI, династия Капетингов прервалась. Однако, это еще не все. Уже на первых представителей новой династии Валуа, родственной Капетингам, посыпались проклятия Великого магистра. Началась широко известная Столетняя война (1337—1453 гг.). В ходе этой войны один из Валуа, Иоанн Добрый, умер в плену у англичан, еще один король Карл V, сошел с ума.

Так Валуа, как и Капетинги, кончили полным вырождением, при этом все последние представители династии погибли насильственной смертью: Генрих II (1547—1559) убит на турнире, Франциск II (1559—1560) умер от усердного лечения, Карл IX (1560—1574) отравлен, Генрих III (1574—1589) зарезан фанатиком.

В 1793 году, почти пять столетий спустя после смерти Жака де Моле, в Париже по приговору революционного Конвента был казнен "гражданин Луи Капет" - свергнутый король Франции Людовик XVI. Рассказывают, что, когда опустился нож гильотины и голова короля упала в корзину, неизвестный человек выскочил из толпы на эшафот и, оросив руку кровью, хлеставшей из обезглавленного тела, торжествующе вскрикнул:

- Жак де Моле, ты отомщен!

Надо бы отметить, что и «проклятых» пап постигли не меньшие бедствия. Едва кончилось «авиньонское пленение», началась «схизма»: двое, а то и трое пап, избранных одновременно, в течение почти всего XV века предавали друг друга анафеме. Не успела закончиться «схизма», началась Реформация: сначала Ян Гус, потом Лютер, Цвингли и Кальвин свели на «нет» влияние «апостольских наместников» в центральной Европе, а Великая Революция 1789—1799 годов вырвала из-под власти пап и лакомый кусок - Францию.

Но несмотря на то, что во Франции храмовники были почти полностью уничтожены, тем не менее, некоторым удалось скрыться. Однако английский король Эдуард II отправил рыцарей Храма в монастыри, дабы они искупили свои грехи. А вот Шотландия предоставила убежище тамплиерам из Англии и Франции, одним из них был Пьер де Омон, бывший Великий магистр Оверенский. По преданию, вечером 18 марта 1314 года де Омон и еще восемь рыцарей, переодетых масонами (каменщиками), собрали прах Жака де Моле, протянули мечи к эшафоту и поклялись отомстить за магистра и не дать ордену тамплиеров погибнуть. После чего де Омон, отправился в Шотландию, и 24 июня 1315 года на острове Мулл был посвящен в Великие магистры ордена. Предполагается, что тамплиеры оказали неоценимую помощь королю Роберту Брюсу в войне с англичанами, а также стояли у истоков создания масонской ложи «Святого Дома». Германские храмовники после роспуска ордена перешли в состав Тевтонского ордена. В Португалии же рыцари Храма были оправданы судом и в 1318 году изменили свое название, став рыцарями Христа. Ну вот, пожалуй, на этом можно и завершить мрачную историю проклятия Великого магистра ордена тамплиеров Жака де Моле.

Не судите да не судимы будете

Врачующих псалмов живая сила,
Созвучий тайных Божественная власть,
В миру искупит ересь заблужденья,
И укротит порочащую страсть.

Чей дух всеильно, причастен к слову Бога,
И разрешен от скорбного венца,
Всем благочестьем, согнет свою горбину,
Перед распятием святого креста.

Энжела Полянски

Мне хочется рассказать вам, мои дорогие читатели, одну очень удивительную, на мой взгляд, историю, которая произошла в VII веке в Александрии. Этот рассказ мне поведала одна из послушниц Горенского женского русского монастыря в Иерусалиме.

Вот только не спрашивайте меня, что я там делала.

И так:

В Газе, в монастыре аввы Сериды, жил монах по имени Виталий. В возрасте шестидесяти лет надумал он идти в Александрию, возложив на себя весьма необычный крест, проповедовать покаяния среди блудниц. Он записал себе в помянник всех падших женщин города, и усердно молился о спасении их душ. Справедливым будет сказать, что с зари до зари он трудился как наемный рабочий, зарабатывая при этом двенадцать медных монет. Каждый вечер монах покупал себе только один боб, дабы утолить голод и съедал он его, не ранее заката солнца.

Остальные же деньги он отдавал одной из блудниц, к которой приходил на всю ночь, но говорил:

«Молю тебя, за эти деньги соблюди себя в чистоте эту ночь, ни грехи, ни прелюбодействуй ни с кем». После чего Преподобный монах запирался с блудницей в ее комнатах и пока женщина почивала, святой старец читал псалмы, с восходом же солнца, тихонечко от нее уходил.

Так было каждую ночь. Каждую ночь монах по очереди посещал грешниц, и каждую ночь он брал с них нерушимую клятву, что они сохраняют в тайне цель его посещений.

И здесь важно отметить, его проповедь имела колоссальный успех, очень многие женщины оставили свое неблаговидное занятие.

Однако, как вводится в любом обществе, по городу поползли непристойные слухи, горожане, не зная истинной правды, обвиняли инока в плотском грехе. Возмущенные оскорбительным поведением старца, александрийцы стали требовать от него, взять в жены одну из этих женщин, и не позорить монашеский сан. Тем не менее, сам Преподобный дабы утаить истину, признавал свою слабость.

В конце концов, как и должно было случиться, о нем донесли святому Патриарху Иоанну Милостивому, да не тут- то было, он не поверил в клевету и пристыдил пустословов сказав им:

«Не судите! Тем паче, иноков! Не знаете ли вы, что было на Первом Никейском Соборе? Епископы и клирики принесли друг на друга письменные доносы, блаженной памяти царю Константину Великому. Он же повелевал принести свечу, не прочитав ереси, сжег их на огне и молвил: Если бы я воочию созерцал согрешившего епископа, священника или инока, то покрыл бы его своими одеждами, затем чтобы никто не видел совершенного им греха!».

Подобным образом мудрый святитель пристыдил тех, кто принес дурные вести.

А тем временем Преподобный Виталий нес возложенный на себя тяжкий крест, оставаясь в глазах народа прелюбодеем и грешником.

Но вот однажды, на пороге лупанария монах встретил юношу – блудника, который, браня старца за мнимый грех, ударил его по лицу сказав, что тот оскверняет имя Христа, на что старец только и промолвил:

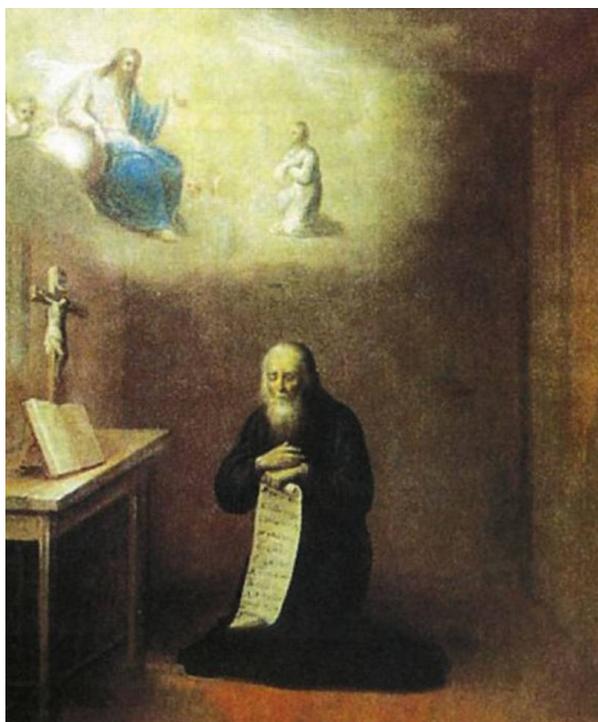
«Поверь моим словам! За мое смирение ты получишь такую пощечину, что вся Александрия сбежится на твой крик».

Спустя некоторое время бедный монах уединился в своей кельи, а с наступлением ночи отдал Богу душу.

В тот же час перед юношей нанесшем оскорбление старцу, появился бес, и дав ему оплеуху, ужасающим гласом из преисподней произнес:

«Прими удар сей, посланный тебе монахом Виталием!».

И тут на молодого человека нашло неистовое буйство, он рвал свои одежды, плакал и кричал так что, как и предсказывал инок, сбежалась вся Александрия. Когда же он, наконец пришел в чувство, то вспомнил как гнусно оскорбил Преподобного Виталия, и отправился в его кельи, нижайше просить прощение безудержно взывая:

«О, помилуй меня раб Божий, что согрешил против тебя!»

К большому сожалению, юноша и собравшиеся на крики люди, нашли старца представившемся Отцу небесному в молитвах стоя на коленях. В его руках был свиток, где было писано:

«Мужи александрийские! Не осуждайте прежде времени, пока не придет Господь Праведный Судия».

К этому времени подросла одна из женщин, сраженная недугом за нарушение клятвы, данной иноку, прикоснувшись к телу старца, она чудесным образом исцелилась и рассказала народу о милости и благодетели монаха.

Ее рассказ тут же подхватили и множество других женщин, спасенных Преподобным Виталием.

А Святитель Иоанн Милостивый был рад, что не внял клеветникам, и не придал суду великого праведника. При стечении покаявшихся женщин, Патриарх велел торжественно, с почестями пронести останки Преподобного через весь город и предать достойному погребению.

Но с тех самых пор, александрийцы положили святой завет - Никого не осуждать!

Орлеанское чудо

Страсть к тебе порвала одеяние роз,
В аромате твоём есть дыхание роз.
Ты нежна, блестки пота на шелковой коже,
Как роса в чудный миг раскрывания роз!

Омар Хайям

Глава первая Легенды

Известно ли Вам, мои уважаемые читатели, что дивному цветку красотой и ароматом коего мы не устаем восторгаться, а именно розе, 35 миллионов лет?! Однако нужно бы заметить, что более пяти тысяч лет не только природа, но и человек совершенствует этот и без того чудесный цветок. Существует немало легенд о происхождении Божественного цветка. Известно, что еще древние греки почитали и восхищались розами, например Анакреонт древнегреческий лирический поэт писал в своих одах: Белая роза родилась из белоснежной, чистейшей пены покрывавшей тело Богини любви Афродиты, в то самое время, когда она вышла после купания из морских вод. Явившеюся в девственной чистоте и прелести розу, заботливые жрицы Афродиты снесли в храм Богини, украсив алтарь и сад вокруг него. Там Божественная роза оставалась белой, пока сердце Афродиты не было поражено страшной вестью о том, что ее возлюбленной Адонис лежит в роще Пифона, раненый насмерть вепрем. В ужасном горе бедная Афродита устремилась к возлюбленному. Она бежала, не обращая внимания на покрывающие розы, шипы и изранила ноги в кровь. Несколько капель попало на лепестки роз и цветы из белых, превратились в красные. Однако существует еще одна легенда гласящая, что Богиня царства растений Флора, долгое время не любила и избегала греческого Бога любви Эроса. Но вот только хитрый Эрос, все же, ухитрился пустить стрелу в сердце прекрасной девы, и она вспылала к нему нежной страстью. Но теперь коварный Эрос стал избегать встреч с Флорой. Сжигаемая неразделенной любовью несчастная Богиня создала волшебный цветок, который умел смеяться и плакать, грустить и радоваться. Когда цветок расцвел, восхищенная собственным творением Флора хотела воскликнуть: «Эрос», но от чего - то

запнулась на первом слоге, и только вымолвила: «Рос». Вот с тех – то пор цветков и стали называть розой.

А вот в древней Персии полагали, что Роза была подарена не кем иным, как самим Всевышним. Однажды, как - то раз в прелестную Розу горячо влюбился Соловей и в порыве страсти прижал ее к груди. Но шипы гордой Розы пронзили беднягу, и ее белоснежные лепестки обагрились алой кровью. Так, роза и стала красной.

По приданиям именно от персов любовь к розам перешла ко всем магометанам, которые приписывают цветку очистительную силу. Легенда гласит, что белая роза выросла из капель пота Магомета при его ночном восхождении на небо, потому - то ни один магометанин не наступит ногой на цветок. Существует поверье, что розовая вода имеет очистительную силу. После взятия Константинополя Магомет II повелел омыть Храм Святой Софии сверху донизу розовой водой прежде чем, превратить его в мечеть.

Не могу удержаться и не упомянуть, что согласно писаниям в Талмуде красная роза выросла из крови Авеля, невинно убитого своим братом Каином. У христиан же считается, что белые розы выросли на кусте с шипами, куда Дева Мария повесила сушить Христовы пеленки. А также белые розы называли: «Розами раскаявшейся Магдалины» - Они потеряли цвет от пролитых, ею слез.

В Англии под знаменем двух мирных роз - Красной и белой, разгорелась братоубийственная война, длившееся целых тридцать лет. Кусты, с которых были сорваны две исторические розы, находились в парке Тампль в Лондоне и погибли около десятка лет тому назад. Впоследствии английские садоводы вырастили особый сорт розы знаменитый тем, что на одном и том же кусте растут алые и белые цветки.

Глава вторая История

Надо бы сказать, что в древней Греции розы играли немаловажную роль в быту. Венками из роз украшали невесту, их посылали друг другу влюбленные. Лепестками роз греки усыпали путь победителя, возвращавшегося домой. Но, с другой стороны, розами убирались урны с прахом покойного. В круглом бутоне

розы, древние греки видели символ бесконечности, да вообще - то прекрасному цветку приписывали множество чудодейственных свойств. Хочу так же заметить, что греки высоко почитали вязальщиц венков из роз.

В свое время колонистами роза была перенесена из Греции в Рим и именно в древнем Риме целенаправленно впервые начали выращивать розы. Несмотря на то, что основное назначение садов в те времена было исключительно для культурных растений (Плодовых, овощных, пряных, а так же лекарственных.)

Однако в произведениях древнеримских писателей встречаются описания приблизительно, ну около десяти сортов роз. В V веке до н.э. великий Геродот в своей «Истории» описывает сады царя Мидаса в Македонии, и упоминает о махровой розе. А в 300 г до н.э. знаменитый философ Теофраст описывая сады Греции, дает подробное описание цветов от пятнадцати до ста лепестков.

Если Вы когда –нибудь, были в Неаполитанском музее то должно быть видели великолепную мозаику из Помпей, где изображена дамская роза родиной которой, несомненно, является Восток.

(Поговаривают, что в Китае розами увлекался сам Конфуций, воспевавший чудное творение, как царицу всех цветов. Но и это еще не все говорят, что в китайской императорской библиотеке хранится более 500 томов книг, повествующих только о розе. А в императорских садах, она растет в немереных количествах.)

Во времена республики в Риме, розы считали символом строгой нравственности, и они служили наградами за выдающиеся деяния. Воины же украшали себя венками из роз для того, чтобы вселить в себя мужество. Веточку розы, как символ Гиппократов вешали над столом в знатных домах, отсюда и выражение: "Sub rosa dictum" Однако, с распадом Римской империи значение розы приобрело иной характер. Она стала цветком забав во время пьяных оргий, выразительницей самых низменных и развратных чувств. Императоры и патриции набивали благоуханными лепестками свои матрасы и подушки. Осыпали толстым слоем нежных лепестков полы своих дворцов. В обеденной зале императора Нерона стены и потолок вращались, как бы изображая смену времен года, и вместо дождя, на ошеломленных гостей сыпались тысячи и тысячи свежих лепестков роз. Доходило то того, что, желая как можно больше упиться ароматом прекрасных цветов, императоры приказывали осыпать

лепестками роз поверхность моря, во время прогулок.

Обширные розарии в предместьях Рима, расширились в ущерб хлебным угодьям. Улицы же были, так пропитаны запахом цветов, что непривычному человеку попросту становилось дурно. Тем не менее, со временем садоводство и выращивание роз перешло в монастыри, и вот именно Римские монастыри и послужили прототипами садов по ту сторону Альп.

Глава третья Орлеанские розы

Дивная роза пленила своей красотой и ароматом и средневековую Францию. Однако выращивать розы французы начали XI веке. В хрониках аббатства Мён – сюр – Луар есть запись, что среди набора как лекарственных, так и пряных растений монастырского сада, было множество розовых кустов. А уже в XII веке, розы появились в садах знатных Орлеанских семей. К XVII столетию садоводство стало одним из основных видов деятельности в Орлеане. К тому же, разведению цветов способствовали благоприятный климат и состав почвы. Многочисленные, по-королевски богато украшенные сады вдоль берегов Лауры, а также близость к столице привели к тому, что в начале XIX века в Орлеане стали возникать довольно крупные розарии.

Да только разводить прекрасные цветы позволялось не каждому. Тем не менее, подарить розовый венец "Шапель" считал своим долгом даже самый бедный родитель. С примесью розовой воды проводились крещения.

Однажды Людовик XVI подарил Марии – Антуанетте красные розы этот день совпал с днем Святого Валентина вот с тех – то пор алая роза и стала символом этого праздника.

Но распространению моды на розы благоприятствовала никто иной, как сама Жозефина Богарне. Да, да та самая Жозефина, супруга Наполеона Бонапарта. Надо заметить, что не только в Орлеане, но и во всех регионах Франции в первые годы девятнадцатого века, стали стремительно (как грибы после дождя) появляться питомники, в коих садоводы занимались исключительно разведением новых сортов роз. История сохранила имена первых селекционеров, которые и ныне составляют гордость и славу французского розоводства.

Одним из первых селекционеров, а также владельцем достаточно большого питомника в Орлеане, специализировавшемся на выращивании роз, был легендарный Може. Он в течение тридцати лет (1819 – 1849 гг.) вывел и распространил по всей Франции более шестидесяти новых сортов роз. Неоценимый вклад в выращивание и селекционирование роз, внесла династия Винерон. Отец Жак Винерон, а впоследствии и его сын Алсид, были ведущими в провинции производителями прекрасных цветов в течение целых

шестидесяти лет. Не один десяток коммерсантов продвигали на рынок не только Орлеанские розы, но также все выведенные новые сорта. К 1905 году в каталоге питомников дома «Венерон и Сын» насчитывалось до одной тысячи сортов великолепных роз.

К великому сожалению с начала семидесятых годов прошлого века в Орлеане (впрочем, как и везде) наступил экономический кризис, что пагубно сказалось на отрасли розоводства. Множество питомников, не выдержав кризиса, попросту закрылись, те же, что остались на плаву, переместились в провинции Орлеана. «Колыбель роз» осталась опустевшей. Молодое поколение стало наотрез отказываться продолжать дело отцов и дедов. Таким, довольно печальным образом, преемственность семейного разведения роз, дала глубокую трещину.

Но в начале девяностых в экономике Франции наметился некоторый подъем, (Слава Богу!) а вместе с ним и оживление садоводства Орлеана. Вот тогда – то и возникла замечательная идея, воссоздание былой славы Орлеана, как «Столицы

Роз» Надо сказать, что идея заключалась в том, чтобы собрать в одном месте все выведенные селекционерами розы, за всю многовековую историю садоводства Орлеана.

За дело взялся Эжен Тюрба, всю жизнь мечтавший о подобной коллекции.

Прежде всего он конечно же составил список Орлеанских роз, сохранившихся в коллекционных розариях по всей Европе, в том числе и Зангерхаузене (Германия.)

28 августа 1998 года официально было открыто новое детище Орлеана, одно из чудес света Розарий - музей. Дивный сад имеет форму трапеции, основанием

которой служит задняя стена церкви Сен-Марсо. В центре питомника — кустовые розы, для каждой из которых выделен квадрат земли с таким расчетом, чтобы экспозиция выглядела как музейное собрание редких экспонатов. По периметру возвышаются оригинальные металлические конструкции, по которым плетутся розы из селекции Барбье. Опоры стилизованы под цветочные вазы, сплетенные из лозы. В саду собраны только те розы, которые точно участвовали в конкурсах в разные годы. Хочу подчеркнуть, мои уважаемые читатели, что «вазы-опоры» весьма кстати создают необходимое для музея ощущение безвозвратно ушедшей эпохи - в данном случае славной эпохи Орлеанских роз. В целом вся композиция подчинена духу истории. Древние стены церкви служат нейтральным фоном для роз, внешняя ограда оплетена вьющимися розами так, как это было модно в деревенских домах XIX века.

Ну, а завершить свой рассказ хочу так же, как его и начала, но стихами замечательного французского поэта Жана Фруассара:

Забьётся сердце, зной вдыхая роз,
Замрёт моей при виде дамы,
В плену надежд и сладких грёз
Забьётся сердце, зной вдыхая роз.

Их запах свеж, но пышных лоз
Милей любви рубцы и шрамы,
Забьётся сердце, зной вдыхая роз,
Замрёт моей при виде дамы.

Диогу Диаш и его остров

Когда - то очень, очень давно, а именно в мае 1500 года, португальский мореплаватель Диогу Диаш (Брат Бартоломеу Диаша, того самого, что первый из европейцев обогнул Африку с Юга открыв мыс Доброй Надежды вышел в

Индийский океан) на своём корабле в составе флотилии Педру Альвариша Кабрала направился на поиски, так сказать приключений в Индию. Как это часто бывает, корабль попал в сильнейший шторм. Нет, судно и команда, слава Богу, остались целы и невредимы. Однако, мореплаватель сбился с курса, в результате чего обогнул Южную Африку и уклонился так далеко на Восток, что лишь только десятого августа наткнулся на неизвестную прежде землю. Диогу решил, что попал на Восточное побережье Африки и двинулся на Север в надежде найти порт Мозамбик, но не тут - то было, все старания

оказались тщетными. Сбитый с толку путешественник, продвигаясь на всё большее расстояние на Север, и вовсе потерял сушу из виду. Вот тогда – то на него и снизошло озарение, он понял, что принял за материк совершенно новую землю, которая оказалась огромным и очень уж живописным островом. Тем не менее, Диаш развернул судно и высадился в укромной бухте, (ну мало ли что) пополнив запасы питьевой воды. В течение нескольких дней португальские путешественники прибывали в бухте, после чего снова двинулись на Север. Добравшись до африканского рога севернее города Малинди (Кения) Диаш рассчитывал присоединиться к флотилии Педру Кабрала. Путешественник по - прежнему полагал, что всё еще находится южнее Мозамбика, потому - то упрямо направлял свое судно на Север, до тех пор, пока не попал в Аденский залив. Как говорится: «Умная мысль, приходит опосля» Лишь после того, как Диаш вошел в один из портов на северном берегу полуострова Сомали, он понял свою ошибку. Только через три месяца путешественник, наконец, добрался до островов Зеленого Мыса, где в конце концов и встретил флотилию Кабрала, возвращавшуюся домой.

1501 году путешественник - мореплаватель Диогу Диаш вернулся в Португалию. Волею судьбы он оказался первым европейцам, обогнувшим Африку от Аденского залива до Гибралтара.

Открывателем сказочного острова Мадагаскар, названным им Сан - Лоренсу (Островом Святого Лаврентия) Привезенные им в Европу точные сведения об острове, использовал итальянский знаменитый картограф Альберто Кантино. В 1502 году на составленной им карте, дано самое раннее, и что примечательно, довольно – таки верное изображение одного из самых величайших (956 тыс. кв. км). и вместе с тем, красивейших островов планеты Земля.

Из истории одного шедевра

Я шёл по тропинке с двумя друзьями — солнце садилось — неожиданно небо стало кроваво-красным, я приостановился, чувствуя изнеможение, и опёрся о забор — я смотрел на кровь и языки пламени над синевато-чёрным фьордом и городом — мои друзья пошли дальше, а я стоял, дрожа от волнения, ощущая бесконечный крик, пронзающий природу.

Эдвард Мунк

Мало кому известно, что в 1892 году на выставке в Берлине было представлено 55 полотен молодого норвежского живописца Эдварда Мунка, среди них первые картины его большого цикла «Фриз жизни». Экспозиция сразу же вызвала

огромный резонанс, в котором столкнулись мнения приверженцев кайзеровского режима с мнениями прогрессивных художников.

Еще выставка не открылась, а уже многие требовали ее закрытия. В числе первых был живописец Антон фон Вернер. Однако против него решительного выступил Макс Либерман. Нужно – бы заметить, что Вернеру довольно трудно было согласиться, с так сказать самостоятельностью Мунка, который не взирая ни на что, бесстрашно перешагнул все рамки натурализма. Немецкая пресса не только ругала художника, но и писала о нем как о сумасшедшем.

Словом, в то время мало кому нравились очень

«странные» картины ныне великого художника.

Тем не менее, уже совсем скоро у Мунка стали появляться многочисленные поклонники, но более всего о нем писали охваченные новыми веяниями молодые поэты. Безусловно разыгравшаяся буря вокруг «странного» художника подняла Мунка на несколько ступенек выше по лестнице славы, а само закрытие выставки, лишь способствовало широкой известности художника как в стране, так и за рубежом.

Однако с приходом Адольфа Гитлера к власти пронизанные ощущением нестерпимого страдания и были, работы мастера, были признаны «дегенеративными». Возможно, им бы грозило уничтожение, если бы один богатый человек не выкупил у нацистской Германии холсты Эдварда Мунка.

Пожалуй, наверное, трудно выделить в творчестве великого художника одну единственную и самую значимую картину, но его полотно «Крик», известно даже не питающих слабости к изобразительному искусству людям. Как и множество других полотен, Эдвард Мунк воссоздавал свой «Крик» в течение нескольких лет, написав первую версию картины в 1893 году.

Взаимоотношения Мунка со своей картиной, впрочем, как и ее трактовки – излюбленная тема искусствоведов и историков. Одни предполагают, что страдающий и извивающийся, словно змей человек, в ужасе реагирует на доносящийся отовсюду «Крик природы». Другие почему – то, упрямо верят, что художник каким – то непостижимым образом предвидел предстоящие потрясения, которые ждали человечество в XX веке, и изобразил весь ужас и безысходность перед будущим.

Но как - бы то ни было, эмоционально заряженная картина стала одной из первых работ экспрессионизма и для многих осталась его эмблемой, а отраженные в ней темы горького отчаяния и одиночества оказались главными в искусстве модернизма.

Но вот что интересно существует поверья, и вполне можно сказать обоснованные, что все полотна «Крика», мистически прокляты. Десятки людей входящие, так или иначе, в контакт со «странной» картиной либо ссорились с близкими и впадали в тяжелую депрессию, либо заболели или что еще хуже, умирали.

Однажды один из посетителей музея в Осло, где выставлено полотно, непонятно зачем решил потрогать картину, и через несколько дней у него дома случился пожар, в котором несчастный сгорел заживо.

А вот музейный служащий как - то раз, нечаянно уронил картину. Через какое - то время у него начались страшные головные боли, хотя раньше он отличался хорошим здоровьем. Приступы мигрени становились все чаще и сильнее пока, в конце концов, не выдержав, он покончил с собой.

В другой раз картину выронил еще один рабочий музея, когда ее перевешивали с одной стены на другую. Через неделю он попал в страшную автокатастрофу, в

результате которой сломал ноги, руки, несколько ребер, получил трещину в тазу и сильнейшее сотрясение мозга.

Конечно же, все эти будоражащие воображение истории, создали полотну великого художника весьма, и весьма недобрую славу. И по сей день посетители музея в Осло, с большой опаской поглядывают на завораживающий душу «Крик».

The Pack Saddle Пьера Сюблейра

Кто же из нас не видел знаменитую картину французского художника и портретиста Пьера Сюблейра (1699-1749) – «The Pack Saddle» (Навьюченное седло.) Однако немногие знают, что же запечатлел художник на полотне. Как – то раз Герцог де Сент – Эньяна заказал Сюблейру серию картин на сюжеты сказок Лафонтена.

Надо бы заметить, что самое слово «Сказка», здесь имеет весьма и весьма условное понятие. Но тем не менее Лафонтен был известен прежде всего, своими баснями (такие басни Крылова как "Ворона и лисица", "Стрекоза и муравей" по сути являются переводами басен Лафонтена), но его «Сказки» были отнюдь далеко, ох как далеко не детскими. Хотя при этом они так же имели стихотворную форму и были не так уж далеки от басен.

Так вот картина «The Pack Saddle» является иллюстрацией к одноименной сказке.

О чем же повествует эта сказка?!

В некотором царстве, в некотором государстве жил один очень знаменитый и талантливый художник. И была у того художника больно красивая жена, такая красивая, что на нее заглядывались все мужчины в округе. Ну как же здесь не быть безумным ревнивцем. Однажды пришла пора, когда у художника возникла необходимость уехать из дома на некоторое время, вот ему в голову и пришла невероятная идея, нарисовать осла на интимном месте у драгоценной супруги. Несчастный наивно полагал, что картинка непременно сотрется во время любовных игр, если благоверная надумает ему изменить. А стало быть, боясь разоблачения, наверняка постарается сохранить верность до его прибытия. Да не тут – то было.

Счастливым соперником оказался другой, не менее талантливый художник. И хотя изображение осла стёрлось, но любовник - герой перед этим успел тщательно скопировать его на листок бумаги. Вот только, перерисовывая осла обратно на тело возлюбленной, он не удержался и навьючил на него седло. Когда же незадачливый муж – рогоносец вернулся к своей благоверной и увидел навьюченное на ишака седло, ему ничего не оставалось, как признать себя настоящим ослом.

Вот такая вот сказка и история картины.

Любить до последнего вздоха

Пожалуй, о Бенито Муссолини уже неоднократно было довольно-таки много сказано, да и написано тоже. Однако все сходятся в одном мнении - Отец нации был крайне пылким любовником, впрочем, как и полагается истинному сыну Италии. Его народ, и не без основания, восторгался великими сексуальными достижениями своего дуче, ох уж эти итальянцы! Поговаривали, что он менял женщин, как перчатки, то есть был настоящим Казанова. На

этой ноте, вынуждена заметить, женщин было действительно, просто необычайно много. Но каждая из них, была влюблена в своего дуче до безумия. Ну, оно и понятно, Бенито Муссолини внешне походил на императора Наполеона Бонапарта. Возможно поэтому любовь к нему, смело можно сказать чуть ли не всего женского населения страны, больше напоминала истерию массового характера, причем совершенно независимо от возраста. Как вполне зрелые сеньоры, так и совершенно невинные сеньориты вождедели к сеньору Муссолини, да и он их не отвергал.

Однако единственной и постоянной фавориткой великого диктатора бала Кларетта Петаччи. Они встретились совершенно случайно на дороге Виа дель Маре. (Хотя у меня есть некоторые основания, пусть и не доказанные, полагать, что эта встреча могла быть и не совсем случайной.) А произошло это так: 24 апреля 1932 года автомобиль семьи Петаччи – за рулем сидел личный шофер, а в салоне находились сама Кларетта, мать и сестра, обогнал «Alfa Romeo» дуче, которую кстати, вел он лично. Кларетта, была заочно влюблена в Муссолини потому -то, когда она его увидела, закричала шоферу: «Догони его!» Девушка вышла из машины на обочину и стала махать рукой. Пораженный подобным энтузиазмам сорокадевятилетний Муссолини вышел из автомобиля, страстная Кларетта бросилась к нему. Вот запись из её дневника:

«Остия, 24 апреля... Он впервые говорил со мной. Я вся дрожала, хотя и не было холодно. О, это чудесное мгновение, незабываемая жемчужина моей жизни. Словно улыбка солнца во время бури...»

Девушка, попросила дуче о сведении, и тот недолго думая согласился. Уже через несколько дней Муссолини принял Кларетту в Палаццо Венеция, крайне, надо сказать, заинтригованный пылом сеньориты. Предварительно, конечно же, наведя справки как о ней самой, так, и о её семье.

Но дело одним свиданием не закончилось, девушка сразу же стала просить все о новых, и новых встречах. Забрасывать возлюбленного письмами и записками с собственными стихами.

Двадцатилетняя дочь римского врача (между прочим, довольно богатого) к тому времени, была помолвлена с молодым офицером авиации за которого, собственно говоря, в скором времени благополучно вышла замуж. Тем не менее, это не мешало на протяжении четырех лет поддерживать любовникам исключительно платонические отношения.

Только в 1936 году Кларетта развелась с мужем и стала теперь уже

официальной любовницей Бенито Муссолини. Зеленоглазая, обладательница пышной груди, тонкой талии и широких бедер, с густыми вьющимися волосами, она целиком и полностью отвечала вкусам великого диктатора. Не проходило и дня, чтобы женщина не навестила Муссолини в Палаццо Венеция, у нее имелся ключ от комнаты, где проходили их свидания. Кларетта понимала, что ничто не может заставить Бенито отказаться от многочисленных встреч с женщинами, потому и не проявляла бурных сцен ревности она – то знала, что он любит только одну её.

«Без него я не смогу жить». Кларетта

Петаччи оставалась не только единственной женщиной, но и одним единственным человеком во всей Италии, кто до последней минуты продолжала любить всеми преданного, постаревшего и лишённого власти Муссолини.

27 апреля 1945 года становится роковым для влюбленной пары. Муссолини в сопровождении отряда СС, получившего приказ от самого фюрера «Стрелять при попытке к бегству» направляется к границе Австрии. Петаччи не задумываясь, прощается с семьей, бросает все и следует за возлюбленным.

Однако на эсесовцев нападают партизаны и выдвигают условие: Немцам позволят уйти при условии, если они выдадут итальянских фашистов. Здесь надо отдать должное немецким захватчикам, они переодевают Муссолини в немецкую форму, все еще надеясь на спасение. Но никакие хитрости не спасли бывшего диктатора. Партизаны дважды досматривали пленных, но на третий раз все же, узнали своего дуче. Беллини, командир партизан, будучи человеком

достойным берет Муссолини под личную охрану, дабы спасти от озверелой толпы.

В казарме, преобразованной под тюрьму, Муссолини просит Беллини передать от него весточку одной даме, которую так же арестовали. Конечно же, командир партизан без всякого труда узнал среди пленных очаровательную даму в мехах и драгоценностях Кларетту Петаччи.

- Скажите, он жив, здоров?

- Позвольте мне увидеть его. Взмолилась женщина.

- Если вы намерены убить его, то и мне позвольте умереть вместе с ним.

Какой бы сильной ни была ненависть партизан к дуче, но они знали толк в истинной любви. Беллини, великодушно позволяет влюбленным провести первую и последнюю ночь в их жизни вместе. Да, это была их первая и последняя, целая ночь.

Наутро некий коммунист Валерио со своими единомышленниками забирает силой в свое распоряжение Муссолини и Кларетту и увозит их на виллу Бельмонте.

- Бенито Муссолини! Военный преступник, приговорен к смерти народным судом! Яростно провозглашал приговор Валерио.

- Нет! Нет! Вы не сделаете этого! Это невозможно! Обняв Бенито, в полном ужасе кричала женщина.

Валерио и не собирался убивать Кларетту, но отойдя в сторону рявкнул:

- Отойдите в сторону иначе вы тоже умрете!

Нет, она и с места не двинулась. Валерио нажал на курок, осечка. Бедная женщина, наконец отпустив Муссолини, бросилась к Валерио:

- Вы не можете покончить с ним так... Это были её последние слова, раздалась автоматная очередь. Кларетта Петаччи упала первой, бросившаяся всей грудью защищать возлюбленного, за ней пал и Бенито Муссолини.

Вскоре небо разверзлось раскатами грома, на землю обрушился ливень.

Бездушно побросав окровавленные трупы в машину, brave герои отправились в Милан.

29 апреля 1945 года бездыханные тела были сброшены на Пьяццо де Лорето, на осквернение и растерзание озверевшей толпе.

- Повесить их! Повесить! Раздалось в толпе.

Обвязав лодыжки, первым повесили на мясные крюки Бенито Муссолини, затем Кларетту Петаччи. Юбка истерзанной женщины упала ей на лицо, обнажив прекрасные бедра, а веки медленно закрылись. Она казалась умиротворенной и улыбалась палачам.

Магда Насмешка судьбы

Знаете ли, как показывает Их Величество История, судьба довольно часто жестоко смеяться над злодеями, строя им гримасы. Фрау Магда фон Геббельс - супруга рейхсминистра народного просвещения и пропаганды нацисткой Германии, рейхсляйтера по вопросам пропаганды НСДАП, президента имперской палаты культуры, гутляйтера Берлина Йозефа Геббельса. Могла ли она в свое время представить, что ее потомки примут иудаизм, сделают гиюр и будут жить в государстве Израиль.

Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно.

11 ноября 1901 года у очаровательной служанки богатого еврея инженера - строителя Оскара Ритшеля (Он же, собственно, и являлся отцом ребенка.) Аугусты Беренд родилась девочка - Йохана Мария Магдалина Беренд. Вскоре после рождения ребенка Оскар, женился на Аугусте, дав младенцу свою фамилию. Однако брак продлился совсем недолго, через три года пара разошлась, тем не менее, на протяжении всей своей жизни, отец испытывал к девочке самые нежные чувства. Правда, Ритшель почему – то очень боялся не мигающего взгляда дочери. Гораздо позже он прозовет ее дьяволицей «Третьего рейха».

Восемь лет Магда провела в католическом монастыре, образец красоты и скромности. Девушка получила великолепное воспитание и манеры достойные фройлен из высшего общества.

По-своему красивая и довольно неглупая Аугуста, вскоре нашла дополнение к любящему отцу девочки, отчима. Им стал богатый владелец кожевенной фабрики, еврей (И снова еврей.) Рихард Фридендер. Он удочерил девочку и не жалел никаких средств на воспитание, предоставив ей возможность заниматься музыкой и иностранными языками.

Практически всю юность Магда провела в Берлине, весьма тесно общаясь как с родным отцом, так и с отчимом, разделяющими идеи сионизма. И тот и другой находили в ней, крайне внимательную и понимающую собеседницу. Девушка подобно губке, впитывала чаяния близких ей людей при этом, однако, прекрасно сознавая свои собственные жизненные принципы и цели. Она имела истинно аристократические манеры, ясно представляя, что хочет получить от жизни.

В возрасте тринадцати лет в берлинской гимназии фройлин Магда влюбляется в

гимназиста на два года старше нее, Виктора Арлозорова. На этот факт можно было бы и не обратить внимание, если бы не насмешка судьбы. Виктор (Позднее Хаим.) Арлозоров внук раввина, будущий писатель, один из самых ярких отцов основателей сионистского движения, мечтающий о создании еврейского государства в Палестине. Будущий друг президента Израиля Хаима Вейцмана, а также, будущий лидер партии «Мапай», между прочим, самой влиятельной политической силы в еврейском мире того времени.

Будущий руководитель политического отдела Еврейского Агентства – предшественник Ицхака Рабина. Так вот именно в нем будущая первая леди нацистской Германии в скором времени найдет столь необходимую ей ответную страсть. Именно он, заполнит эмоциональную сферу в ее жизни, став любовником на долгие годы.

Но не буду забегать вперед.

Не мудрено что, будучи ослепительной красавицей, юной Магде удалось вскружить голову одному из богатейших людей Германии. Промышленнику - вдовцу, чья жена умерла от испанки, Гюнтеру Квандту. Но для того, чтобы вступить в брак и стать фрау Квандт, ревностная католичка становится не менее ревностной протестанткой. Еще бы «Париж стоит обедни» В январе 1921 года, 20-летняя Магда выходит замуж за 39 Гюнтера, а уже 1 ноября 1921 года у пары появляется единственный первенец, Харальд. Я еще о нем упомяну.

Как это не редко случается, супруги оказались совершенно разными людьми, Гюнтер оказался весьма мелочен, напроць лишенным чувства юмора. Более того, в его жизни не было места ни праздникам, ни светским приемам. Все мечты и надежды фрау Квандт рассыпались как карточный домик, между супругами выросла стена непонимания, отчуждения и ненависти. Даже довольно длительное пребывание в Америке не спасло ситуацию, ну разве что Магда приобрела нового поклонника, в лице племянника президента США Гувера.

Вот тут – то, Магда и вспоминает о своей первой любви, а то есть о вышеупомянутом мной Викторе - Хаиме Арлозорове. К тому времени он довольно успешно закончил университет и жил в Тель-Авиве, однако же Арлозоров часто посещал Европу, узнав его адрес, Магда написала ему письмо.

В скором времени раскрыв переписку любовников, рогоносец супруг пришел в неистовую ярость, произошел весьма грязный публичный скандал. И все же Магде, несмотря ни на что, удалось получить от скряги мужа миллионера совсем даже неплохие отступные. Кроме того, Гюнтер позволил чтобы их сын

Харальд остался у матери, вплоть до ее нового замужества, или до 14 – летнего возраста.

Кстати, когда племянник президента США Гувера прослышал о разводе, тут же примчался на крыльях любви, но не тут-то было, Магда твердо ему отказала. Хотя прозрачно намекнула, вполне возможно при несколько других обстоятельствах, может быть она и легла бы с ним в постель. А почему, собственно, и нет... В не себя от счастья американец окончательно потерял голову, став невольной причиной автокатастрофы, надолго прописавшей Магду на больничной койке.

Однажды в начале 1930 года принц Август Вильгельм, сын свергнутого кайзера Вильгельма II, привел фройлен Магду Квандт в Берлинский дворец спорта на митинг национал-социалистов. Магда только входила во дворец, а по окрестностям уже разносился голос партайгеноссе Йозефа Геббельса,

вещавшего об опасности еврейского засилья, о полуторках американцах, кознях французов и англичан и варварах славянах только и мечтающих растоптать немецкий народ. (Кто бы говорил!) Пожалуй, нельзя сказать, что риторика Геббельса мгновенно очаровала Магду, но тем не менее, ей очень захотелось познакомиться с этим человеком. И вот здесь должна заметить, колеса истории и судьбы завертелись с головокружительной скоростью. Истовая католичка, ревностная протестантка, сторонница сионизма, да еще и любовница еврея, Магда записывается в национал-социалистическую партию, изучает книгу Адольфа

Гитлера «Mein Kampf.» Становится фанатичной нацисткой, и совсем скоро знакомится с Геббельсом.

Ну и конечно же, влюбленный Геббельс знакомит Магду с самим фюрером, женщина сразу же очаровала Гитлера. Он назвал ее образцом немецкой женщины, Арийская кровь, которая высвечивает не только тело, но и душу. Как-то раз, Гитлер признался ей в любви, но тут же осекся и заявил, что у него только одна невеста – Германия и он обязан служить немецкому народу! Разочарованной Магде ничего не оставалось, как выйти замуж за Геббельса. Любовь она, конечно, любовью, однако перед свадьбой Геббельс собрал полную информацию о будущей жене, узнав об отношениях Магды и Хаима Арлозорова, он только усмехнулся. Доктор Геббельс не скрыл от невесты, что знает о ее связи с видным политическим деятелем. Ошарашенная Магда не успела и полслова вымолвить, когда Геббельс решил ее так сказать «пощадить» и совершенно неожиданно рассказал, что некогда был влюблен в еврейскую девушку Анну Штальхерм.

О дальнейших событиях существует множество теорий, версий и домыслов. По одной из них будущий муж Магды желал избавиться от соперника, да еще к тому же видного сиониста навсегда. Магда, привыкшая решать свои проблемы сама, написала письмо в Тель-Авив, пригласив любовника в Берлин, таким образом заманив Арлозорова на квартиру. Конечно же, он не замедлил приехать, однако, когда вошел в квартиру, то сразу же увидел наведенный на него пистолет. Ни произнося ни слова Магда выстрелила, Арлозоров в последнее мгновение успел среагировать и отпрянул к стене. Тогда невеста Геббельса выстрелила еще раз и снова промахнулась. Третий выстрел ей сделать не удалось, Хаим, придя в себя выбил пистолет из рук женщины, а Магда, стояла как памятник и смотрела на бывшего возлюбленного немигающим взглядом, совсем таким же, как у Геббельса. Вот уж воистину дьяволица нашла своего дьявола.

В июне 1933 года на набережной Тель-Авива двое неизвестных застрелили Хаима Арлозорова, и по сегодняшний день достоверно не установлено кем все же являлись убийцы. Были ли они нацистами посланные Геббельсом, а может арабскими террористами, или ревизионистами? Это навсегда останется тайной, а может, и не навсегда? Но рано или поздно все тайное становится явным. Как бы там ни было, однако доктор Геббельс сказал своей жене, что она больше никогда не услышит об Арлозорове.

После назначения мужа министром, Магда стала первой дамой «Третьего рейха» примером для всех женщин Германии. Один за другим у Геббельсов появились дети.

Однако несмотря на то, что Хаим Арлозоров был убит, доктор Геббельс все-таки просчитался. Арлозоров не ушел навсегда из сердца его драгоценной жены. Магда не могла забыть любовь, которую она же, так подло предала. До последних дней своей жизни первая дама «Третьего рейха» слышала голос еврея, которого вместе с мужем ненавидела. Магда с ужасом рассказывала Геббельсу, что в снах к ней часто является Арлозоров. Он всегда ей что-то говорил. Она явственно различала интонацию, но слова разбирала редко. Однажды Хаим подошел к ней во сне очень близко, но потом исчез, и вместо него она увидела своего отчима Рихарда Фридлендера... Приходу во сне отчима Магда совсем не удивилась. Ведь накануне, она не пустила его на порог своего дома, и это случилось наяву!

Рихард Фридлендер пришел к любимой падчерице, потому что его семья умирала от голода. Шел 1938 год. Бывший фабрикант и бывший офицер германской армии, дважды раненный в Первую мировую войну, был давно разорен. Некоторое время он работал помощником официанта в кафе при Берлинском зоопарке, но после погромов, которые произошли с 9 на 10 ноября 1938 года, а позже были названы «Хрустальной ночью», евреев повсеместно увольняли.

Бедняга Фридлендер попытался было разжалобить свою любимую Магду.

Вскоре он горько пожалел, что напомнил ей о себе. Чувство жалости этой женщине не было знакомо. Ее мужу, всеильному гаулейтеру Берлина, не стоило особых усилий отыскать Фридендера и отправить его напрямик в газовую камеру концлагеря Бухенвальд.

Магда удивлялась, что в снах Арлозоров не корил ее за коварство и предательство. Он просто надеялся встретиться с ней взглядом. Но она всегда отводила глаза. В попытке разгадать сны, в которых она видела свою первую любовь, Магда обратилась к известной в Берлине составительнице сонников. Женщина же, узнав суть дела, побледнела, а потом расплакалась. Магда в резкой форме потребовала объяснений. Но составительница сонников дрожала от страха. Она знала, что перед ней первая дама «Третьего рейха» и тем не менее, долго не могла взять себя в руки. Наконец немного успокоившись, разгадчица снов, не глядя на Магду, а куда-то в пол, начала говорить: «Господин, который снится фрау Геббельс, считает, что она предает тех, кто ее любит». Затем женщина надолго замолчала. Через несколько минут с невероятным усилием воли, оторвав глаза от пола, эта женщина только и

выдохнула: «Дети!»

- Что дети? С беспокойством спросила Магда, но составительница сонников опять уставилась в пол и замолчала. Фрау Геббельс возненавидела ее всей душой, и лишь только для того, чтобы опровергнуть разгадку, попросила мужа отправить несчастную разгадчицу в концлагерь. За день до своей смерти Магда вспомнит и эту бедную женщину.

В ночь с 30 апреля на 1 мая 1945 года супруги Геббельс не сомкнули глаз. Они уже несколько дней обитали в гитлеровском бункере под рейхстагом. 24 апреля доктор Геббельс поставил свою подпись в качестве свидетеля под политическим завещанием Гитлера. Геббельс отказался выполнить последний приказ фюрера, покинуть бункер и возглавить новое правительство Германии. Гитлер и его новоиспеченная жена Ева Браун покончили с собой в последний день апреля. Супруги Геббельс решили последовать за ними. Но Магда не хотела уходить из жизни без своих шестерых детей. Поначалу даже Геббельс пытался возражать. Его поддерживали все женщины, еще оставшиеся в бункере. Секретарша Гитлера, медсестры, горничная Евы Браун и служанка самой Магды на коленях умоляли не убивать детей. Обещали увезти, спрятать, скрыть имена и фамилии. Знаменитая летчица, любимица Гитлера Ханна Райч клялась, что сумеет прорваться на север Германии и спасти детей Геббельсов. Но Магда оставалась как гора, непреклонной.

Перед сном Магда дала детям яд и для перестраховки попросила врача сделать спящим смертельный укол. Затем она села писать прощальное письмо сыну, о котором я упоминала в самом начале своего повествования, Харальду Квандту. Первая дама «Третьего рейха» просто умаляла его оставаться верным нацистской идеологии. Она не знала, что майор Харальд Квандт уже давно находится в английском плену в Северной Африке.

Дочь Харальда Квандта Колин, прошла ортодоксальный гиюр и приняла иудаизм. Около тридцати лет назад она вышла замуж за еврея и живет с ним в счастливом браке в Гамбурге. Их сын переехал в Израиль. Отслужив в израильской армии и окончив военное училище, он стал кадровым военным, офицером еврейского государства. Вам интересно как его зовут? Ну, конечно же, Хаим. А «хаим» в переводе с иврита, означает «жизнь.» Ведь добро, всегда побеждает зло!

Люди - нелюди

Нацистский режим создал систему, которая произвела на белый свет демонов в человеческом облики. Среди них Карл и Ильза Кох, заправлявшие конвейером смерти в концентрационном лагере Бухенвальд, перемоловшем сотни тысяч невинных жизней. Созданные нацистами на оккупированных территориях лагеря смерти, такие как Дахау, Освенцим, Собибор, Треблинка для так сказать «расового очищения» уничтожали миллионы узников, среди которых были женщины, дети, старики. Однако Бухенвальд стал одним из худших адом на земле.

Конечно же, не все начальники лагерей принимали непосредственное участие в истязаниях и убийствах заключенных, но это была лишь иллюзия. Всю грязную работу выполняли за них палачи. Супружеская пара Кох были «мастерами» своего дела их неумная изощренность не знала предела.

Ильза Кох родилась в рабочей саксонской семье. Училась не дурно, однако была слишком высокого мнения о своей персоне, а потому отшивала всех, кто выказывал ей внимание. Работая на скромной должности библиотекарем до тридцати лет, она перебирала женихов, пока ее сердце не сразил 1936 году штандартенфюрер Карл Кох, комендант концлагеря Заксенхаузен. Совсем скоро Ильза начала работать у него секретарем, а когда они поженились, и свили уютное гнездышко в служебной квартире на территории лагеря, фрау Кох захотелось властвовать над людьми, делать с ними все, что душе угодно. Уроки благоверного стегать людей бичом со ставленными в его конец кусочками бритвы, вставлять пальцы провинившихся в слесарные тиски или клеймить каленым железом не прошли даром для «талантливой ученицы»

Карл родился, когда матери было 34 года, а отцу, правительственному чиновнику из Дармиггадта 57. Родители поженились через два месяца после рождения сына. Отец умер, когда мальчику исполнилось восемь лет. Будущий комендант концлагеря учился из рук вон плохо. Вскоре он ушел из школы и поступил работать посыльным на местную фабрику.

Когда же юноше исполнилось семнадцать, он записался добровольцем в армию. Первая мировая война уже полыхала в Западной Европе. Но вмешалась мать, и с призывного пункта его вернули домой. В марте 1916 года, в возрасте девятнадцати лет, Коху все же удалось попасть на фронт.

Новобранец по самое горло нахлебался окопной жизни на одном из самых напряженных участков Западного фронта.

Война для Карла Коха закончилась в лагере для военнопленных, и как многие другие, он наконец вернулся в разгромленную и озлобленную Германию.

Бывшему фронтовику удалось довольно - таки неплохо устроиться. Получив пост банковского служащего, он в 1924 году женился. Однако через два года банк лопнул как пузырь, и Карл остался на обочине жизни. В то же самое время

расстроился и его брак. Молодой безработный нашел решение своих проблем в нацистской идеологии и уже совсем скоро поступил на службу в СС. Судьба не единожды сталкивала его с командиром подразделения «Мертвая голова» Теодором Эйке, одним из активных участников создания первых концентрационных лагерей. Эйке довольно высоко оценил Коха, написав о нем в 1936 году, когда тот возглавил лагерь в Заксенхаузене:

Его способности выше средних. Он делает все для торжества национал-социалистских идеалов.

В Заксенхаузене Кох даже среди своих приобрел репутацию отъявленного садиста. Его боялись как заключенные, так и сослуживцы. Потому с организационной точки зрения концлагерь работал как часы.

Главное управление безопасности «Третьего рейха», поощряя систему концлагерей, выдвинуло кандидатуру Коха на повышение. В 1939 году ему было поручено организовать концентрационный лагерь и в Бухенвальде. На новое место службы Кох отправился вместе с любимой женой.

Бухенвальд считался исправительным лагерем, как и все его предшественники. Предназначение лагеря изменилось к середине войны, когда программа фюрера по уничтожению людей была окончательно введена в действие. Впоследствии - же Бухенвальд, как, собственно, и Освенцим, имел уже двойное назначение. Фабрика смерти приводила узников к неизбежной гибели.

Надо бы заметить, что Ильзу Кох боялись больше чем ее благоверного.

Частенько, прогуливаясь по лагерю, Ильза развлекалась тем, что раздавала удары плетью любому, кто попадался ей на пути в полосатой одежде. Порой брала с собой свирепую овчарку, которую специально долго не кормила, и приходила в неистовый восторг, натравливая собаку на беременных женщин или узников с тяжелой поклажей. Неудивительно, что заключенные прозвали Ильзу: «Сукой Бухенвальда»

Когда бедным узникам казалось, что уже не существует более изощренных истязаний, сука изобретала все новые, и новые зверства. Но больше всего ее интересовали мужчины, особенно с татуировками. Мало того что она их насиловала, так еще на светских вечеринках чрезмерно наблюдательные жены ээсовских офицеров стали замечать у супруги коменданта довольно изящные сумочки, перчатки из чудесно выделанной мягкой светлой кожи. А подруги Ильзы чуть не лопались от зависти при виде элегантных кожаных абажуров, украшавших ее дом. Особенно пикантно на материале просвечивались рисунки, весьма напоминающие татуировки, которыми любят украшать свое тело мужчины. Каково же было удивление дам, когда они узнавали, что вся эта красота изготовлена из настоящей человеческой кожи, причем во многих случаях собственноручно фрау Кох! Ильза с гордостью рассказывала, что

особенно хороша для поделок кожа цыган и русских военнопленных, у которых много наколов на груди и спине.

Позже Ильзу Кох прозвали «Фрау Абажур».

Один из узников, еврей Альберт Греновский, которого заставили работать в патологоанатомической лаборатории Бухенвальда, рассказывал после войны, что отобранных Ильзой заключенных с татуировкой доставляли в диспансер. Там их убивали, используя смертоносные инъекции.

Тела, имеющие так сказать «художественную ценность», доставляли в патологоанатомическую лабораторию, где их обрабатывали спиртом и аккуратно снимали кожу. Затем ее высушивали, смазывали растительным маслом и упаковывали в специальные пакеты.

Существовал лишь один надежный способ не попасть на абажур - изуродовать себе кожу или умереть в газовой камере. Некоторым и это казалось великим благом.

Позже «Фрау Абажур» научилась шить из человеческой кожи даже ажурное нижнее белье. Ильза Кох с преобладающим удовольствием объясняла в письмах подругам, женам комендантов других лагерей, как лучше изготовить из человеческой кожи переплеты книг и праздничные скатерти.

Вполне возможно, ужасающие забавы и сошли бы с рук Ильзе Кох, если бы не активная деятельность ее супруга. Менее обремененный эстетическими чувствами, нежели супруга, Карл Кох работал наиболее прагматично: вырывал у мертвых (а порой и у живых) людей золотые зубные коронки, у живых отнимал драгоценности и деньги. Все это добро должно было отправляться в сейфы рейхсбанка. Но, как это часто случалось, большая часть конфискованного имущества оседала в карманах самого коменданта. Как - то раз Кох даже был вынужден застрелить своего слишком уж строптивого подчиненного офицера СС, который начал строчить на начальника жалобы о том, что тот якобы занимается вымогательством, ставит невыполнимые задачи по сбору и сдаче драгоценностей, а вместо того, чтобы обратить их на пользу «Третьего рейха» присваивает себе. Вспомнил доносчик и кожгалантерейное творчество взбалмошной супруги коменданта. И в конце 1942 года супружеская чета предстала перед нацистским судом по обвинению в «Чрезмерной жестокости и моральном разложении». Однако благодаря связям и, не исключено взяткам, супругам удалось избежать наказания. Суд счел, что обвиняемые, стали жертвами оговора.)))

Тем не менее, в 1944 году гестапо нашли доказательства вины штандартенфюрера Коха. Они отыскивали пастора, который мог дать весьма серьезные свидетельские показания. Его держали под бдительной охраной в тюрьме. Увы, за день до судебного заседания свидетеля нашли мертвым в камере. При вскрытии в его желудке обнаружили цианистый калий. Вероятней всего, люди Мюллера и Гиммлера посмотрели бы на все сквозь пальцы ведь и у самих руки были в крови. Однако воровство...

И сколько не умолял Кох дать ему возможность искупить свой грех в штрафном батальоне на Восточном фронте. Но закрытый трибунал СС приговорил его к смертной казни. В апреле 1945-го, за несколько дней до освобождения лагеря американцами, Карл Кох был расстрелян.

А «Фрау Абажур», уехала на родительскую ферму рядом с Людвигсбергом. Но ее имя не было забыто теми, кто выжил. Известный американский радиокорреспондент Эдвард Мэрроу потряс слушателей рассказом о том, что он увидел, когда союзные войска освободили Бухенвальд:

Мы достигли главного входа. Заключение сгрудилась за колючей проволокой. Едва мы миновали ворота, как вокруг меня собралась толпа людей, которые пытались дотронуться до меня. Они были в лохмотьях. Смерть уже дохнула на них, но они улыбались одними глазами. Когда я добрался до бараков и вошел в один из них, то услышал слабые аплодисменты узников, уже неспособных подняться с нар. Я вышел во двор. Один человек на моих глазах упал замертво. Люди представляли собой скелеты, обтянутые кожей... Дети цеплялись за мои руки и смотрели на меня как на чудо. Мужчины подходили и пытались заговорить со мной. Здесь были люди со всей Европы. Многие больные вообще не могли двигаться. Я спросил о причине смерти упавшего человека. Врач сказал: "Туберкулез, голод, физическая усталость и полная утрата воли к жизни. Умоляю поверить в то, что я рассказал о Бухенвальде. Но это только маленькая часть огромной правды, которую мир будет постигать долгие годы.

В свое время даже генерал Эйзенхауэр приказал, 80-й дивизии, освобождавшей Бухенвальд, воочию увидеть ужасающую картину:

Они, может быть, не знали, за что воевали, но сейчас, по крайней мере, видят, против чего стоит бороться!

В 1947 году правосудие, наконец настигло сорокалетней Ильзу Кох. В Мюнхене беременная от немецкого солдата, она предстала перед американским военным трибуналом, чтобы отвечать за свои преступления.

После судебного процесса, длившегося несколько недель, военный трибунал приговорил Ильзу Кох к пожизненному заключению. Но не тут-то было. Через четыре года, после многочисленных апелляций осужденной, отрицающей свою вину, верховный комиссар американской оккупационной зоны в Германии выпустил преступницу на свободу, утверждая, что доказательства ее вины несущественны.

Однако вездесущая Фемида после военной Германии, стремилась хоть как-то загладить вину за массовые преступления нацистов, и Ильзу Кох незамедлительно посадили на скамью подсудимых. Баварское министерство юстиции занялось поиском бывших узников Бухенвальда,

добывая все новые и, новые доказательства, которые позволили бы запереть военную преступницу в тюремной камере до конца дней.

240 свидетелей давали показания в суде. Они рассказывали о злодеяниях палачей в нацистском лагере смерти. На этот раз Ильзу Кох судили сами немцы. Военная преступница вновь была приговорена к пожизненному заключению. Ей было твердо заявлено, что на этот раз она не сможет рассчитывать на какое-либо снисхождение.

В 1967 году в письме сыну Уве, которого Ильза родила вскоре после первого приговора, она с негодованием сетовала на то, что стала «козлом отпущения» за чьи - то дескать грехи, в то время как многим важным персонам удалось избежать наказания. Однако же в письмах не было и тени раскаяния в содеянном.

1 сентября в камере баварской тюрьмы написав прощальное письмо сыну, военная преступница связала простыни и повесилась. «Сука Бухенвальда» собственноручно свела счеты с жизнью.

В 1971 году. Уве Кохлер, сын Ильзы Кох, взяв девичью фамилию матери, попытался в судебном порядке восстановить «справедливость» Он обратился с письмом в The New York Times:

Так как пересмотр дела в судах Западной Германии фактически невозможен, я подумал, что американцы, приговорившие мою мать к пожизненному заключению, должны знать ее истинную историю.

Дело в том, что в восьмилетнем возрасте мальчик случайно увидел свое свидетельство о рождении и запомнил имя нерадивой матери. В девятнадцать, прочитав газетный заголовок «Нет снисхождения Ильзе Кох!», он впервые посетил свою мать в тюрьме. Она, рассказывая Уве, сама заводила разговор, отрицала свою вину, говорила, что стала жертвой вероломства. Однако сын не был убежден в том, что она невиновна. Он считал, что в совершенные матерью преступления ее втянула, как Уве выражался, «Истерия времени».))) По его мнению, Ильза заслуживала наказания, но не такого сурового. Он и сам надеялся, и пытался внушить матери мысль о том, что после 20 лет тюремного заключения, ее наконец выпустят на свободу.

Как историки, так и психиатры частенько возвращаются к так сказать «феномену» Ильзы Кох, погрузившейся в пучину самого тяжкого греха на земле, и сходятся во мнении, что у этой женщины изначально был целый «букет» дурных наклонностей.

Однако историк Чарльз Лич с этим не согласен:

До Карла Коха и после него у Ильзы не наблюдалось той жестокости, которой она так сказать прославилась в Бухенвальде. Ее безумие, если таковое действительно имело место, вызвано исключительно связью с этим мужчиной.

С его смертью, кажется, колдовские пути спали. Возможно, если бы они не встретились как поистине дьявольские партнеры, не случилось бы и того, что произошло.

Знаете – ли, позволю себе возразить! На мой взгляд, подобная жестокость не имеет права ни на какие оправдания.

По материалам The New York Times.
И телеканала History.

Казнить. Нельзя помиловать

Предисловие

В конце 50-х годов мировая общественность обратила весь свой взор на угрозу мирового коммунизма, а потому уже с наименьшей готовностью изобличала и предавала в руки правосудия военных нацистских преступников, нежели сразу после завершения Второй мировой войны.

Израиль был единственным Государством в мире, которое должно было провести суд и воздать по всем заслугам Оберштурмбанфюреру СС Отто Адольфу Эйхману. Только моей Стране принадлежало право судить человека, который отвечал в гитлеровской империи за «Окончательное решение еврейского вопроса». В этом заключалась высшая историческая справедливость!

Сразу же после создания Государства Израиль, наша разведка приступила к поиску и ликвидации нацистских военных преступников, пытавшихся скрыться от справедливого возмездия.

Глава 1

Так кто же такой Отто Адольф Эйхман?

На Нюрнбергском процессе часто звучало имя Оберштурмбанфюрера СС Отто Адольфа Эйхмана, но его самого на скамье подсудимых, среди других нацистских преступников не было.

В 1934 году Адольф Эйхман был назначен экспертом по вопросам сионизма в Главное имперское управление безопасности фашистской Германии, он сыграл решающую роль в осуществлении плана «Окончательного решения еврейского вопроса».

Никто иной как Адольф Эйхман, выдвинул и отстаивал идею так сказать: «Насильственной эмиграции» как метода концентрации еврейского населения Европы в местах, где можно было легко осуществлять над ним тотальный контроль. Для осуществления своей программы он даже предложил учредить специальный орган.

В ходе Второй мировой, Адольф Эйхман возложил на себя активные административные функции по реализации «Окончательного решения» он добивался выполнения своих приказов не только с скрупулезной тщательностью, но и с поразительнейшим энтузиазмом.

Благодаря Эйхману только в концентрационном лагере Освенцим было уничтожено около двух миллионов евреев.

Оберштурмбанфюрер Адольф Эйхман руководил мероприятиями по реализации «Окончательного решения» в Румынии, Польше, а также в Венгрии, где он и

отличился особой жестокостью. Он разделил Страну на шесть специальных зон, ввел в эти зоны войска и осуществил депортацию 650 тысяч венгерских евреев, 437 тысяч из которых были отправлены в Освенцим.

Во время Нюрнбергского процесса были представлены неопровержимые доказательства его участия в уничтожении миллионов евреев.

Мало кому известно, что во время войны в составе английской армии воевала Еврейская бригада. В этой бригаде было создано специальное подразделение «Ханокмин» («Каратели») названное по аналогии с библейскими карающими ангелами. Перед подразделением «Ханокмин» стояла задача поиска нацистских преступников.

Агентурная сеть «Ханокмин» была раскинута по всей Европе, благодаря чему, а также помощи оккупационных войск антигитлеровской коалиции, были обнаружены и захвачены не одна сотня нацистских преступников, в большинстве своем сотрудники СС, которые участвовали в создании концентрационных лагерей.

Изначально «Ханокмин» ограничивалась тем, что отдавала преступников военным властям союзников, но в условиях беспорядков военного времени нацистам нередко удавалось избежать наказания.

Так в 1944 году в Венгрии были пойманы и переданы советским оккупационным войскам двое высокопоставленных нацистов. Тем не менее, представитель советского командования высказал мнение, что для подтверждения причастности задержанных к преступной деятельности нужны более весомые доказательства, чем просто свидетельства узников концлагерей, после чего преступников освободили.

Однако освобожденные нацисты недолго наслаждались свободой, бойцы из группы «Ханокмин» тут же расстреляли их из автоматов. После этого происшествия тактика подразделения «Ханокмин» существенно изменилась. Вместо передачи союзникам, нацистские преступники уничтожались после поимки.

Все происходило тихо и без лишнего шума. Как только становилось известно о местонахождении очередного нациста, один из членов «Ханокмин» приходил к нему в форме английского офицера и вежливо приглашал в комендатуру для выяснения каких-либо обстоятельств. Вместо комендатуры нациста провозили в лес или поле, где ему зачитывалось обвинение, выносился приговор и тут же этот приговор приводился в исполнение.

Только за первый послевоенный год, таким образом, было уничтожено более тысячи нацистских преступников. Но Адольфу Эйхману, который был довольно – таки не глуп, и кроме того, знал немало о работе разведки, удалось избежать и скамьи подсудимых, и расправы «Ханокмин».

Но это лишь до 11 апреля 1961 года.

Глава II

Охота на зверя или Дело всей жизни

Директор секретной разведывательной службы Моссада Иссер Харель собирал материалы, которые тщательно скрывал от своих английских коллег. Это было досье на Оберштурмбанфюрера СС Отто Адольфа Эйхмана.

Так вот в один прекрасный день, прокурор земли Гессен (Германия) Ф. Бауэр сообщил Иссеру о том, что Адольф Эйхман проживает в Аргентине.

Ф. Бауэр получил эту информацию от одного слепого еврея, который проживал в Буэнос - Айресе, его дочь встречалась с молодым человеком, которого звали Николас Эйхман. Этот Николас, оказался одним из сыновей Адольфа Эйхмана. На основании этой информации был установлен адрес семьи Эйхмана: Буэнос - Айрес, Оливос, улица Чакабуко, 4261.

Иссер Харель ни секунды не сомневался, что Эйхмана надо судить. Однако он так же осознавал, что поимка крупного преступника, который проживает, скорее всего, под вымышленным именем, и имеет, несомненно, влиятельных друзей, в том числе и в аргентинском правительстве, будет одной из самых сложных задач, с которыми он и израильская разведка когда-либо сталкивались. Тем более Харель планировал не уничтожить, по примеру «Ханокмин», нацистского преступника в Аргентине, а доставить его в Израиль, дабы судить справедливым, демократическим судом в присутствии судей,

адвокатов, присяжных. Предстояла очень ответственная операция, которая независимо от результата повлекла бы за собой очень серьезные последствия.

Тщательнейшим образом, проанализировав все детали операции и, удостоверившись в ее успехе, Иссер Харель пошел с докладом к премьер-министру Израиля Давиду Бен - Гуриону.

— Прошу разрешения привезти его в Израиль.

— Действуй! — Только и сказал премьер - министр.

Вот с этого момента операция по захвату и доставке в Израиль Адольфа Эйхмана и стала задачей номер один для Иссера Хареля.

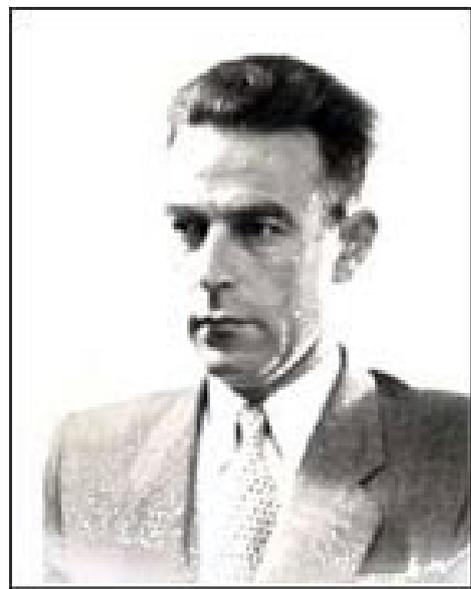
В начале 1958 года за домом Адольфа Эйхмана в Буэнос - Айресе установили наблюдение, но по всей вероятности, была допущена какая - то неосторожность со стороны спецслужб или чутье человека, который привык скрываться, помогло Эйхману обнаружить слежку. Эйхман и его семья внезапно исчезли, не оставив и следа.

Однако в марте 1958 года по личному указанию Иссера в Буэнос-Айрес приехал опытный офицер Эфраим Эльром, который не являлся сотрудником разведки, но был полицейским. Выбор Иссера пал на этого человека не случайно. У Эльрома был прекрасный послужной список, и к тому же его легко можно было принять за немца, так как он был родом из Польши и долгое время прожил в Германии.

Кроме этого, была еще одна довольно веская причина. Почти вся семья Эфраима Эльрома погибла в немецком концентрационном лагере. По прибытию в Буэнос-Айрес Эльром сразу же встретился со слепым судьей Л. Херманом, дочь которого была знакомой Николаса Эйхмана. В результате разговора выяснилось, что подозрения у Хермана появились тогда, когда он услышал, как Николас самодовольно хвастается заслугами своего отца перед фашистской Германией.

Агентов, которые стали заниматься поиском Эйхмана, обеспечили полной информацией, содержащей мельчайшие детали, по которым можно было идентифицировать нацистского преступника с абсолютной точностью. Однако из-за того, что в деле, отсутствовали фотографии Эйхмана военного времени, которые он заблаговременно успел уничтожить так как был весьма предусмотрительным человеком, агентам пришлось довольствоваться его старыми снимками. Время шло, а результаты отсутствовали. В руководстве Израиля даже стали появляться мнения, что впустую тратятся и без того скудные средства Моссада, и что разведывательной службе Израиля слишком сложно одновременно наблюдать за политической обстановкой в Сирии, Египте и других странах арабского мира и заниматься поисками Эйхмана. Но, вопреки всем отрицательным результатам и мнениям, поиск нацистского преступника Адольфа Эйхмана ни останавливался ни на минуту. Наконец в декабре 1959 года сотрудники Моссада, все же отыскали Эйхмана, который скрывался под именем Рикардо Клемента, разорившегося владельца прачечной. Когда агенты установили слежку за сыном Эйхмана, они нашли дом на улице Гарибальди, в котором проживала его семья. Дом был куплен на имя Вероники Катарини Либл де Фихман. Это имя полностью, за исключением одной буквы в фамилии (Fichmann вместо Eichmann) совпадало с именем жены Эйхмана.

Агенты Моссада стали круглосуточно держать под наблюдением этот дом, фотографируя его со всех сторон, тщательно изучая привычки его хозяина. По результатам наблюдения был сделан предварительный вывод, что это

Адольф Эйхман, но для окончательного принятия решения было необходимо весомое, неопровержимое доказательство.

Вечером 21 марта 1960 г. Рикардо Клемент, как всегда, вышел из автобуса и медленно направился к своему дому. В руках он держал букет цветов, который подарил встречавшей его женщине. Младший сын хозяина, обычно неряшливо одетый, на этот раз был в праздничном костюме и аккуратно причесан. Через некоторое время из дома донесся шум веселья, там явно отмечали какое-то событие, но какое?

Просмотрев материалы досье Эйхмана, сотрудники разведки установили, что в этот день Эйхманы должны были бы справлять свою серебряную свадьбу.

Последние сомнения исчезли, Рикардо Клемент никто иной, как Адольф Эйхман.

Иссер Харель решил вылететь в Аргентину, чтобы лично принять участие в его захвате. Много позже он сказал:

Эта была самая сложная и тонкая операция, которую когда-либо проводил Моссад. Я чувствовал, что обязан взять ее выполнение под личную ответственность.

Один из его сотрудников объяснил это несколько иначе:

Он просто не мог не быть там.

Под руководством Хареля был до мельчайшей подробности разработан план вывоза Эйхмана из Аргентины по фальшивым документам.

Иссер Харель лично отбирал членов оперативной группы из числа лучших сотрудников Моссада, которые и раньше принимали участие в аналогичных операциях вместе со своим шефом. Но, принимая во внимание, что операция будет чрезвычайно опасной, по требованию Хареля в группу захвата отбирались исключительно добровольцы.

Руководителем группы стал бывший солдат войск специального назначения, принимавший участие в боевых действиях с двенадцати лет. В его послужном списке было освобождение группы евреев из лагеря для интернированных нелегальных иммигрантов, подрыв считавшейся неприступной английской радарной станции на горе Кармель, а также ранение, полученное во время операции против арабских мародеров.

Всего в операции по захвату Адольфа Эйхмана принимало участие более тридцати человек. Двенадцать составили группу захвата, остальные же группу поддержки. Все было рассчитано и выверено, чтобы исключить любые даже самые мелкие случайности.

Для того чтобы избежать осложнений при выезде из Аргентины, в одной из европейских столиц было создано небольшое туристическое агентство. С учетом вероятности провала и нежелательных политических последствий акции было сделано все, чтобы скрыть сам факт прибытия группы захвата из Израиля. В то время в Латинской Америке большим влиянием пользовались политические силы, симпатизирующие нацистам, поэтому если даже поставить в известность аргентинское правительство, полностью отсутствовала гарантия, что удастся арестовать Эйхмана.

В конце апреля началась непосредственная подготовка к операции. Сотрудники Моссада, прибывавшие в Аргентину в разное время, из разных стран и даже из разных городов, размещались на конспиративных квартирах, которые служили опорными пунктами в предстоящей операции. Был арендован парк машин, чтобы агенты могли все время менять их, тем самым нейтрализуя возможные наблюдения.

Эйхмана собирались вывезти на самолете израильской компании «Эль Аль», который должен был специальным рейсом доставить официальную делегацию Израиля на празднование 150-летней годовщины независимости Аргентины. В качестве запасного варианта предусматривалась доставка Эйхмана морским путем на специальном корабле, но это заняло бы, месяца два.

11 мая было принято решение захватить Эйхмана в этот же день, когда он вернется с работы, и доставить на одну из конспиративных квартир.

Ничего особенного, классический образец операции по захвату.

В 19 часов 34 минуты на улице Гарибальди припарковались две машины. Из одной машины вышли двое мужчин, подняли капот и стали усердно копать в моторе, а третий человек прятался на заднем сиденье. Водитель второй машины, стоявшей метрах в десяти от первой, «безуспешно» пытался завести мотор.

Обычно, Эйхман возвращался домой на автобусе, останавливаемом у его дома в 19:40. В этот день автобус прибыл точно по расписанию, однако Эйхман на нем не приехал. Положение осложнялось. Решено было ждать, но и на следующем автобусе Эйхман не приехал. На третьем тоже.

Может быть, он что-то заподозрил?

Оставаться на месте становилось опасным, можно было вызвать подозрение и поставить под угрозу всю операцию. Однако было уже слишком поздно, чтобы просто уйти.

Прошло еще несколько минут.

Наконец показался еще один автобус. Всего один человек вышел из него и медленно направился в сторону разведчиков.

Это был Эйхман.

Как только он подошел к условленному месту, его ослепили фары автомобиля. В следующее мгновение два человека схватили его и прежде, чем он успел издать хотя бы один звук, его затолкали на заднее сиденье машины. Эйхмана связали, засунули кляп в рот и натянули на голову мешок.

Один из сотрудников Моссада предупредил: «Одно движение — и ты труп». Машина стремглав рванулась с места.

Через час Адольф Эйхман был уже на конспиративной квартире, надежно привязанный к кровати. Сотрудники Моссада решили проверить номер Эйхмана, вытатуированный у него на теле, как у всякого члена СС. Однако на этом месте был лишь небольшой шрам.

Эйхман сообщил, что в американском пересылочном лагере ему удалось избавиться от татуировки с номером.

Перед сотрудниками Моссада находился уже не надменный офицер СС, распорядившийся в свое время сотнями человеческих жизней, а маленький испуганный человечек, готовый угодливо исполнить любое желание своих хозяев.

На все вопросы он давал подробные ответы:

Номер моей членской карточки в национал - социалистической партии был 889895. Мои номера в СС — 45326 и 63752. Меня зовут Адольф Эйхман.

Как говорили потом работники Моссада, наблюдавшие за Эйхманом, он вызывал лишь чувство глубокого отвращения. Однако самым ужасным для них был момент, когда на великолепном иврите Эйхман стал читать одну из еврейских молитв «Шма Израиль», которая является основой богослужения в иудаизме:

Услышь! О, Израиль! Всевышний наш Бог...

Меня учил ивриту один раввин — Объяснил он.

Под круглосуточным наблюдением Эйхмана продержали на конспиративной квартире целую неделю.

В его комнате не выключался свет, а единственное окно было плотно зашторено черными занавесками. В течение всего этого времени сотрудники Моссада, вели допрос преступника, стремясь найти все новые и новые подтверждения того, что перед ними именно Эйхман, а не кто – то другой.

Когда Харель лично воочию увидел Эйхмана, а это случилось только на четвертый день после захвата, пленник не вызвал у него абсолютно никаких эмоций:

Я только подумал, какой он неприметный.

Следующим этапом операции был вывоз Эйхмана из Аргентины и Харель полностью переключился на ее планирование.

На 20 мая, через девять дней после похищения Эйхмана, был назначен рейс

самолета «Эль - Аль». Чтобы не привлечь внимания аргентинских властей дата вылета не подлежала изменению.

Иссер Харель надеялся, что семья Эйхмана не сразу обратится в полицию, так как, заявив о его исчезновении, им придется открыть истинное имя Рикардо Клементя. А если известие об этом попадет в газеты, Эйхман незамедлительно будет казнен.

Нужно сказать, что и в самом деле семья Эйхмана действовала крайне осторожно. Для начала они обзвонили все больницы, однако не стали заявлять в полицию. Вместо этого они обратились за помощью к друзьям.

Но Иссер предвидел и это, рассчитывая, что нацистские друзья Эйхмана, которые находились в таком же положении, вряд ли захотят помочь ему. И оказался прав.

Большинство из них, решившее, что за ними также ведется охота, сразу же исчезли, покинув Аргентину. Впоследствии Николас Эйхман это подтвердил:

Друзья отца по нацистской партии немедленно исчезли. Многие нашли убежище в Уругвае, и мы больше ничего о них не слышали.

Для того чтобы вывезти Адольфа Эйхмана из Аргентины, Иссер Харель разработал весьма хитроумный план.

Сотрудник Моссада Рафаэль Арнон, который якобы попал в автомобильную аварию, был помещен в госпиталь, где его ежедневно навещал «родственник» (врач, который служил в Моссаде) инструктировавший «потерпевшего», как симулировать медленное выздоровление.

В конце концов, утром 20 мая пациент почувствовал себя настолько хорошо, что его можно было выписывать. При выписке ему выдали медицинское заключение и разрешили, что было письменно подтверждено, возвратиться на самолете в Израиль.

Как только «больной» покинул больницу, в его документы были внесены необходимые изменения и наклеена фотография Эйхмана.

К этому времени сам Эйхман стал настолько сговорчив, что сам подписал документ, в котором подтверждал готовность выехать в Израиль и предстать там перед судом:

Это заявление сделано мною безо всякого к тому принуждения. Я хочу обрести внутренний покой. Меня поставили в известность, что я имею право на юридическую помощь.

Уже находясь в Израиле, он так объяснил свой арест:

Мой захват был удачной охотой и осуществлен безукоризненно с профессиональной точки зрения. Моим похитителям приходилось сдерживать

себя, чтобы не допустить расправы надо мной. Я позволяю себе судить об этом, так как кое - что смысло в полицейских делах.

Прохождение паспортного и таможенного контроля, а также проверка службой безопасности аэропорта было самым сложным делом для Иссера Хареля.

В день вылета Эйхмана привели в порядок, одели в форму служащего компании «Эль Аль». Врач сделал ему специальный укол, притупляющий чувства, и Эйхман плохо воспринимал, что происходит вокруг, но мог идти, поддерживаемый с двух сторон.

Пленник настолько вошел в роль, что даже напомнил сотрудникам Моссада о том, что нужно надеть на него пиджак, когда они забыли это сделать:

Будет подозрительно, если на вас будут надеты пиджаки, а на мне - нет.

Проинструктировал их Эйхман.

Как только первая машина поравнялась с контрольно - пропускным пунктом, сидевшие в ней сотрудники Моссада, изображая из себя изрядно подвыпивших гуляк, стали нарочито громко смеяться и петь песни. Шофер машины с озабоченным видом поведал охраннику что, проведя всю ночь в увеселительных заведениях Буэнос-Айреса, его друзья чуть не забыли о сегодняшнем вылете. Некоторые «летчики» откровенно дремали в машинах. Охрана пошутила:

В таком виде они едва ли смогут управлять самолетом!

- Это запасной экипаж. Будут отсыпаться всю дорогу. Сказал на это шофер. С улыбками охранники пропустили машины, а один из них, кивнув в сторону спящих «летчиков», заметил:

Этим ребятам Буэнос-Айрес наверняка пришелся по вкусу!

Эйхман, поддерживаемый с двух сторон, стал подниматься по трапу самолета. И тут кто-то услужливо направил на эту троицу мощный прожектор, освещая ей путь. Эйхмана втолкнули в самолет и усадили в салоне первого класса. Вокруг разместились «члены экипажа» и тут же «уснули».

Командир корабля приказал потушить свет в салоне. Последним появился Иссер Харель.

Все было готово к отлету.

Совершенно неожиданно группа людей внушительного вида в форме выскочила из терминала и бросилась бежать к самолету. Иссер и его люди замерли.

Но, что бы это ни значило, им уже ничто не могло помешать, самолет вырулил

на взлетную полосу и через минуту стал набирать высоту. На часах было пять минут первого.

Атмосфера немного разрядилась. Настоящему экипажу сообщили, какой пассажир у них на борту.

Все шло по плану, врач обследовал Эйхмана, чтобы убедиться, что укол не навредил ему.

Впереди был 22- часовой полет домой.

Механик самолета был родом из Польши и ему было одиннадцать лет, когда немецкий солдат во время оккупации сбросил его с лестницы. Позже ему не раз приходилось скрываться от облав, чтобы не попасть в Трешлинку, но все же однажды его схватили и отправили в лагерь, где были убиты отец и шестилетний брат. Он видел, как их уводили на смерть.

Когда механик узнал, что загадочный пассажир – Адольф Эйхман, он потерял контроль над собой. Его удалось успокоить, только посадив напротив Эйхмана. Он безмолвно смотрел на нацистского преступника и слезы текли у него из глаз. Спустя некоторое время он тихо встал и ушел. Как только самолет приземлился, Иссер Харель сразу же отправился к Бен - Гуриону и первый раз за все время их знакомства позволил себе немного пошутить:

Я привез вам маленький подарок.

Бен - Гурион несколько минут молчал. Он знал, что Харель охотился за Эйхманом, но не представлял, что все произойдет так быстро: Иссера не было всего двадцать три дня.

23 мая 1960 года премьер - министр Израиля Бен - Гурион с трибуны Кнессета заявил:

Я должен сообщить вам, что некоторое время тому назад секретной службой Израиля захвачен один из главных нацистских преступников Адольф Эйхман, который наряду с руководителями фашистской Германии несет ответственность за уничтожение шести миллионов евреев в Европе, за то, что они сами называли «Окончательное решение еврейского вопроса». Адольф Эйхман арестован и находится в Израиле, в скором времени он предстанет перед судом.

Голос Бен - Гуриона дрожал. После того как премьер - министр закончил свою речь, все члены Кнессета повернулись в сторону гостевой ложи. В глубине ее сидел Иссер Харель. Говорить о том, кто организовал похищение Эйхмана, не было никакой необходимости.

Но даже в момент своего величайшего триумфа Иссер старался держаться в тени и хранил молчание.

Глава III Возмездие

11 апреля 1961 года в Иерусалимском окружном суде начался процесс над Отто Адольфам Эйхманом. Председателем суда был член Верховного суда Моше Ландау, судьями — Беньямин Леви и Ицхак Равэ. Обвинение поддерживала

группа прокуроров во главе с Гидеоном Хаузнером. Защиту возглавлял немецкий адвокат доктор Р. Серватиус, в прошлом защищавший ряд обвиняемых во время международных процессов нацистских преступников в Нюрнберге и других странах. На суде присутствовали многочисленные представители международных средств массовой информации. Судебный процесс сопровождался беспрецедентными мерами безопасности. Существовала реальная угроза того, что подсудимого могли убить, а поэтому

в здание иерусалимского окружного суда его перевозили на бронетранспортере, публику и журналистов тщательно обыскивали, а сам обвиняемый Эйхман во время судебных заседаний постоянно находился внутри специально изготовленного блока из пуленепробиваемого стекла.

Со стороны обвинения на процессе выступили более 100 свидетелей и было предоставлено 1600 документов, большинство из которых были подписаны Адольфам Эйхманом. Показания и документы, представленные обвинением, полностью доказывали все виды преследований:

Введение антиеврейских законодательств, разжигание ненависти к еврейскому меньшинству, разграбление еврейской собственности, заключение евреев в гетто и концентрационные лагеря, депортации еврейского населения Европы в лагеря смерти.

В ходе судебных слушаний была вскрыта роль Эйхмана, главы отдела IV В4 гестапо на всех стадиях процесса «Окончательного решения». Он осуществлял руководство и контроль над отправкой всех эшелонов с евреями в лагеря смерти.

Всего состоялось 120 заседаний суда.

15 декабря 1961 года, на 121-м заседании, председатель суда Моше Ландау огласил приговор:

Суд приговаривает Адольфа Эйхмана к смертной казни за преступления против человечества.

Адвокат Адольфа Эйхмана подал апелляцию в Верховный суд, который 29 мая 1962 года отклонил ее, подтвердив приговор первой инстанции.

Однако Эйхман на этом не остановился. Без всяких угрызений совести он подал прошение о помиловании израильскому президенту Ицхаку Бен - Цви. В прошении, в частности, говорилось:

Мне омерзительны деяния, совершенные против еврейского народа. Это величайшее преступление и то, что виновных следует осудить, считаю справедливым. Однако необходимо различать руководителей, отдававших приказы, и рядовых исполнителей, таких как я. Я не был ни руководителем, отдававшим приказы, ни ответственным за их исполнение, и потому прошу господина президента помиловать меня, отменив смертный приговор.

Тем не менее как и должно, президент Израиля также отклонил прошение Эйхмана о помиловании.

Перед казнью Эйхмана, правительство Израиля обсудило все детали предстоящей экзекуции, а также решило вопрос, как поступить с телом казненного.

Министр юстиции Дов Йосеф предложил поступить так же, как поступили с телами казненных по приговору Нюрнбергского процесса, то есть кремировать, а пепел развеять.

В апреле 1962 года к специалисту по строительству печей, работавшему в Петах-Тикве, Пинхасу Закликовскому, потерявшему в Холокосте мать и четверых братьев, прошедшему нацистские концлагеря, обратились с просьбой, изготовить печь, выдерживающую температуру 1800 градусов по Цельсию. Ему сказали, что речь идет о сожжении тела Эйхмана после свершения казни, на что уже получено разрешение суда. Закликовский подготовил чертежи печи со специальным дымоходом. За 10 дней печь была построена.

Казнь была назначена на ночь с 31 мая на 1 июня 1962 года.

Поначалу Эйхмана хотели одеть в робу красного цвета, как приговоренного к смерти, но потом вспомнили, что так британцы перед казнью одевали бойцов еврейского подполья, приговоренных к смерти в период британского правления, и решили оставить его в обычной одежде. В ней он и был казнен.

Было также решено, что казнят Эйхмана именно в Рамле. Дело в том, что британцы казнили бойцов еврейского подполья в двух тюрьмах в Акко и на Русском подворье в Иерусалиме. Казнить же нацистского преступника там, где взошли на эшафот борцы за независимость Израиля, сочли просто безнравственным.

Во второй половине дня 31 мая в тюрьму Рамле на полицейском грузовике без номерных знаков была доставлена разобранная на части печь весом полторы тонны.

Все окрестности вокруг тюрьмы в Рамле были надежно перекрыты подразделениями МАГАВ.

Ближе к полуночи 31 мая конвой ввел Адольфа Эйхмана в помещение, где должна была состояться казнь.

Процедура казни должна была завершиться спустя минуту после полуночи, но Эйхман был повешен раньше на три минуты, в 23:58. За полчаса до этого его посетил католический священник, канадец Уильям Гель - Видьо. Затем Эйхману накинули петлю на шею и поставили на крышку, прикрывавшую люк. Его прощальными словами были:

Да здравствует Германия!

Да здравствует Аргентина!

Да здравствует Австрия!

С этими тремя странами связана вся моя жизнь, и я никогда не забуду их. Я приветствую свою жену, семью и друзей.

Я был обязан выполнять правила войны и служил своему знамени.

Я готов.

По команде, створки люка открылись, и Эйхман упал вниз.

Через два часа после кремации печь была очищена от пепла, который засыпали в маленькую коробку и отвезли на полицейской машине в порт Яффо. Там коробку доставили на борт судна береговой охраны.

В 4 часа 35 минут 1 июня 1962 года в присутствии католического священника пепел был развеян над Средиземным морем за пределами территориальных вод Израиля.

P.S.

Адольф Эйхман, был и остается единственным человеком, приговоренным к смертной казни, за всю не многолетнюю историю, существования Государства Израиль.

Совсем не Голливудская история

Работая в архиве над одним из своих проектов, среди множества документов, мне попала на глаза пожелтевшая от времени фотография, советские военнопленные офицеры блока N 20 в Маутхаузене. Невольно вспомнилась история, которую не смогли бы придумать даже самые искушенные режиссеры Голливуда. Если бы она не произошла на самом деле.

В морозную ночь с 1 на 2 февраля 1945 года, был совершен побег из концентрационного лагеря - Маутхаузен, самый массовый за всю историю его существования. Военнопленные, захватив с помощью подручных средств (Пены от огнетушителей, черенками от лопат, камней и даже кусков мыла.) пулеметные вышки эсэсовских надзирателей, телогрейками и одеялами замкнули электрические ограждения и бежали из блока смерти. В побеге не приняли участие только 70 тяжелобольных, они остались в бараке, однако были забиты на смерть, поднятыми по тревоге эсэсовцами. Из приблизительно 500 человек, принимавших участие в штурме эсэсовской охраны, всего лишь 419 узников смогли перебраться через ограду и покинуть территорию лагеря, остальные же погибли во время штурма. Узники разбились на небольшие группы и двинулись в северном направлении от Маутхаузена – в сторону чешской границы.

Уже через полчаса с момента побега, комендант Маутхаузена штандартенфюрер СС Франц Цирайс в полном обмундировании прибыл в комендатуру лагеря и в течение короткого срока организовал преследование несчастных смертников. Так как СС своих сил явно не доставало для погони за такой массой беглецов, Цирайс передал руководству местной жандармерии приказ: «Схваченных беглецов привозить обратно в лагерь только мертвыми».

Бургомистры всех окрестных населенных пунктов собрали на сход местное население, где объявили бежавших опасными преступниками и «вооруженными монголами», которых нельзя брать живыми, а нужно уничтожать на месте. Франц Цирайс и сам лично призвал крестьян принять участие в поисках беглецов: «Вы же страстные охотники, сказал он, а это, куда веселей, чем гонять зайцев!».

Старики и мальчишки объединились с СС и жандармерией, чтобы вылавливая по лесам, зверски убивать с трудом державшихся на ногах от голода и лютого мороза людей. Стрелялось во все, что только двигалось. Повсюду, где находили беглецов, в домах, телегах, скотных дворах, стогах сена и подвалах, бедняг убивали на месте. Снежный покров на улицах окрасился алой кровью.

Ребята с еще не обсохшим молоком на губах из гитлерюгенда хвастались друг перед другом, кто из них убил больше «зайцев» собирая в качестве трофея отрезанные уши беглецов.

40 трупов сложили на улице деревни Рид Ин Дер – Ридмаркт со вспоротыми животами, выставив на всеобщее обозрение половые органы. Юные фройлен визжали от восторга, проходя мимо.

За неделю погибли почти все советские военнопленные, спаслись лишь 11 человек. Обидней всего, что до победы оставалось всего каких – то три месяца.

Однако и среди нелюдей, находятся Люди. Крестьянка Мария Лангталер многодетная мать, женщина у которой четверо сыновей воевали на тот момент на Восточном фронте, рискуя собственной жизнью, спрятала у себя в доме двоих узников Маутхаузена Михаила Рыбчинского и Николая Цемкало.

84 – летняя Анна Хакель, дочь Марии которой было в то время 14 лет, рассказывала:

Русские среди бела дня постучались в нашу дверь, попросили дать им поесть. Позже я спрашивала: «Почему они осмелились зайти в наш дом, когда все люди вокруг просто обезумели?» Они ответили: «Мы заглянули в окно, у вас на стене нет портрета Гитлера» Мать сказала отцу: «Давай поможем эти людям» Папа испугался: «Ты что Мария! Соседи и друзья донесут на нас!» Мама ответила: «Быть может тогда, Бог оставит в живых наших сыновей»

Поначалу женщина спрятала беглецов на сеновале, однако на утро туда нагрянул отряд СС, переворотив все штыками, Михаилу и Николаю повезло,

они чудом остались в живых. Но через сутки эсэсовцы вернулись уже со злобными овчарками, да только Мария успела перепрятать изможденных мужчин в каморку на чердаке своего дома. Попросив у мужа табак, она рассыпала его по полу и собаки не смогли взять след. На протяжении трех бесконечных месяцев, Мария скрывала у себя русских офицеров.

День ото дня становилась все страшней, эсэсовцы казнили предателей из местного населения, а русские войска уже вели тяжелые бои в Берлине. 2 мая 1945 года возле дома Марии повесили старика, который осмелился заикнуться, если Гитлер мертв, надо сдаваться на милость победителям.

5 мая 1945 года в деревню пришли американские войска. Части немецкой армии разбежались кто куда, рассеявшись среди гражданского населения.

Мария же, надев белое платье, поднялась на чердак к русским офицерам и сказала: «Дети мои, вы едите домой!» после чего из ее добрых, материнских глаз хлынули слезы.

Вскоре после войны Мария Лангталер, к несчастью, умерла, но спасенные ею люди прожили долгую и счастливую жизнь. Николай Цемкало умер 2003 году, а Михаил Рыбчинский 2007.

В государстве Израиль немцев, которые прятали у себя евреев во время войны, награждают орденами и дают звание «Праведника Мира» Мария же не получила никаких наград от правительства СССР, но она получила награду от самого Господа Бога, все ее четверо сыновей вернулись домой целые и невредимые.

А теперь простите мои дорогие читатели, но меня ждет работа.

Большая история маленьких бактерий

I

Когда - то Хирохито император Японии сказал:

- Наука может убить тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы людей за весьма короткий промежуток времени.

Однако, история бактериологического оружия уходит своими корнями в далекую древность. Мало кому известно, что еще III веке до нашей эры, карфагенский полководец Ганнибал использовал в морском бою против пергамского флота Эвмена I обстрел глиняными горшками, заполненными ядовитыми змеями. Возможно, сегодня трудно сказать имело ли эффект это оружие, или же носило деморализующий характер.

Целенаправленное применение бактериологического оружия в истории человечества, достоверно известное в истории, произошло 1346 году д.э. когда войска Золотой орды, под командованием Хана Джанибека, держали в осаде генуэзскую крепость Кафу (Ныне Феодосия). Осада продолжалась так долго, что в лагере монголов, не привыкших к оседлой жизни, началась эпидемия чумы.

Разумеется, осада была снята. Но! По приказу хитроумного Хана через крепостные стены, воины забросили несколько десятков зараженных трупов. Таким образом "Черная смерть" широкими шагами пошла по Европе. 1520 году Эрнан Кортес испанский конкистадор желая отомстить ацтекам за разгромную "Ночь печали" заразил их натуральной оспой. Ацтеки, не имеющие иммунитета, потеряли более чем половину населения. Куитлауак возглавлявший атаку в "Ночь печали" предводитель племени, так же скончался от оспы. За считанные недели могущественное государство ацтеков было уничтожено.

Отправной точкой подготовки к будущей разработке биологического оружия можно считать 1683 год. В этом году впервые в истории науки Антони ван Левенгук открыл и описал бактерий. До первых целенаправленных экспериментов в этой области оставалось еще более двухсот лет. В 1763 году Генри Букетом в переписке с генералом Джеффри Ахмерстам, предложил в ответ на восстание Понтиака, подарить индейцам одеяла зараженные оспой. Результатом приведенной акции, стала эпидемия повлекшая гибель сотни людей. В ходе первой мировой, как

Германия, так и Франция неоднократно заражали крупный рогатый скот и лошадей сибирской язвой и сапом, после чего перегоняли их на сторону противника.

Существуют некоторые сведения, что Германия пыталась распространить чуму в России, холеру в Италии. При использовании авиационных бактериологических боеприпасов вела войну против Великобритании. Лишь в 1925 году был подписан Женевский протокол. Первое действующее, международное соглашение, запрещающее использование биологического оружия во время военных действий. Однако, уже к этому времени Европа, Россия и Америка вели активные исследования в области биологического оружия и защиты от него.

II

Однако вернемся к императору Хирохито, чье имя в переводе с японского, звучит как: "Добродетель." Или если хотите: "Изобилие." Человек, получивший блестящее образование и проявивший немалый интерес к биологии, как никто прежде понял ее возможности в военной сфере. Это именно с его, так сказать легкой руки, был создан печально известный Отряд 731.

1920 – 30 гг. Японский микробиолог Сиро Исии с благословения императора Хирохито, мечтавшем о "научном оружии" совершил турне по бактериологическим лабораториям Европы и СССР. В итоговом докладе, он убедительно доказывал пользу биологического оружия для своей Страны. Хочу привести Вам уважаемые читатели небольшую цитату.

В отличие от артиллерийских снарядов бактериологическое оружие не способно мгновенно убивать живую силу, зато эти невзрывающиеся бомбы — снаряды, начиненные бактериями, — без шума поражают человеческий организм и животных, принося медленную, но мучительную смерть. Производить снаряды не обязательно, можно заражать вполне мирные вещи — одежду, косметику, пищевые продукты и напитки, съедобных животных, можно распылять бактерии с воздуха. Пусть первая атака не будет массированной — все равно бактерии будут размножаться и поражать цели.

Сиро Исии

Впечатленное докладом, военное руководство Японии выделило огромный бюджет для создания специального комплекса, по разработке биологического оружия. 1932 г. вблизи Китайской деревни Пинфан, что около 20 км. от Харбина было учреждено подразделение - Отряд 731. На площади 6 кв. км. было выстроено сотни лабораторий. Но, конечно, для всего мира, этот секретный объект, был Главным управлением по водоснабжению и профилактике Квантунской армии. Персонал для Отряда 731, набирался из выпускников самых престижных университетов Японии. Позволю себе заметить, было бы по меньшей мере странно, если бы Сиро Исии не назначали руководителем Отряда 731. А уже 1940 году он занял пост начальника управления по биологическому оружию Квантунской армии.

О чудовищно жестоких, бесчеловечных экспериментах на живых людях (Все они заключенные, военнопленные, да в общем то просто ни за что арестованные). Мир узнает только потом.

Я же из этических и гуманных соображений не буду вдаваться во все подробности адской игры японских демонов.

В распоряжении Отряда 731 были филиалы на Советско - Китайской границе, а также полигон, недалеко от города Аньда. Именно там, японцы отработывали самые эффективные способы применения бактериологических бомб.

Нужно заметить, что подопытных на коих проводились эксперименты после оных опытов, отвозили в лаборатории и вскрывали заживо, дабы оценить в полной мере масштабы заражения. Прискорбно но факт, ни один из подопытных не выжил, увы такова реальность.

Когда же испытания в лабораторных условиях возымели успех, Отряд 731 перешел к полевым испытаниям, сбрасывая бактериологические бомбы, начиненные сибирской язвой, чумой и оспой над китайскими населенными пунктами.

Японцы широко использовали бактериологическое оружие в войне с Китаем. Удивительно, почему японцы не использовали оное оружие в войне с СССР, а ведь их запасов, хватило бы чтобы уничтожить все человечество.

Только 9 августа 1945 года деятельность Отряда 731 была прекращена, во время Маньчжурской операции и на Японию была сброшена ядерная бомба. Проныра Сиро Исии за одну ночь эвакуировал персонал, документацию, уничтожил всех подопытных. И представьте себе умудрился утопить в реке экспонаты "Выставочной комнаты" которые в течение не одного десятка лет прилежно собирались.

Вот уж не знаю, кто пишет историю Боги ли, Демоны, но злодеяния Сиро Исии остались безнаказанными. Более того, Администрация Трумэна сохранила

жизнь не только военному преступнику, но и всему персоналу Отряда 731. И это еще не все, многие из них стали научными сотрудниками и деканами в ведущих университетах США. Вы удивитесь уважаемые читатели, но Принц Такэда куривавший Отряд 731, в 1964 году возглавил Олимпийские игры. Сам же Сиро Исии дожил до старости и умер от рака горла, однако достоверных сведений о его смерти и места захоронения не существует. Как не печально, история бактериологического оружия на этом, еще слишком далека от завершения. Но об этом в следующий раз.

III

Похоже, что " легендарные" лавры Сиро Исии в разработке биологического оружия массового поражения здорово мучили американских ученых и не давали им покоя. Но как переплюнуть японского коллегу?! Американские ученые считали, что оспа, тиф, чума и другие болезни, довольно хорошо изучены, а следовательно, не возымеют на противника нужного эффекта. Именно поэтому, для разработки новых биологических агентов были привлечены не только биологи, Вы удивитесь уважаемые читатели, но даже археологи и историки. Так вот, с их легкой руки и была подана блестящая идея. Использовать в качестве биологического оружия, уже давненько изученные - но! Исчезнувшие заболевания.

Первые свои разработки в области биологического оружия американцы начали еще в 1943 году. Когда же им в руки попали ценные документы незабвенного все того же Сиро Исии в секретном отделе под кодовым названием Бункер 459 подведомственному Пентагону, начали разрабатывать совершенно новые возбудители заболеваний, от которых не было не устоявшейся диагностики, не проверенных способов лечения.

Наука имеет в некотором смысле фантастические свойства, в Бункере 459 некоторые исследования и сегодня можно назвать невероятными. Например: Американские ученые изучали тщательнейшим образом примитивные бактерии живущее в пустынях, в концентрированных соляных растворах и горячих сернистых источниках. Целью исследований было привитие подобных свойств болезнетворным бактериям, что могло бы их сделать еще более живучими и выносливыми.

Ну, вот попробуй за всем и вся уследить. Как говорится, шило в мешке не утаишь. Разумеется, в один прекрасный день, а может и не очень, среди Американских ученых поднялась бурная волна негодования, так как секретная информация каким - то волшебным образом вылилась в прессу. И как здесь обойтись без допроса с пристрастием, чем и занялось общество Американских микробиологов, выясняя у своих коллег связь с военным ведомством. Вот здесь

- то Доктор Лерой Фозергил (Кстати бывший директор USBWL). и сделал шокирующее признание о возможных последствиях бактериологической войны напрямую заявив, что в случае применения бактериологического и биологического оружия его создатели не будут иметь ни малейшей идеи о том, как его остановить и обезвредить. Приведу Вам уважаемые читатели, цитату из доклада:

Вполне возможно, что многие виды жизни будут впервые в истории их существования подвергнуты воздействию того или иного возбудителя болезней. Нам ничего не известно о степени восприимчивости многих биологических видов к конкретным микроорганизмам, в частности к респираторным. При этом вполне могут возникнуть новые и непривычные переносчики инфекции, способы борьбы с которыми еще предстоит искать.

Лерой Фозергил

Недалеко от Вашингтона есть городок, входящий в состав штата Мэриленд, Фредерик. Вот за ним - то по обе стороны шоссе, тянется нескончаемая металлическая ограда и никаких поясняющих, или упреждающих знаков. Это Центнер биологических исследований США Форт – Детрик. В течение не одного десятка лет, городок был полностью изолирован от всего внешнего мира, именно здесь и разрабатывались возбудители эпидемических болезней и инфекций. Своеобразный аналог комплекса Отряда 731.

В 1956 году Форт – Детрик в сотрудничестве с ЦРУ провели широкомасштабную операцию "Большой город" Целью одной было, заражение жителей Манхеттена коклюшем, (Распыление проводилось на улицах и метро.) дабы выяснить степень распространения бактериальной инфекции в большом, современном городе. Уже спустя десять лет, биологические агенты были распространены сразу в нескольких больших городах в Сан – Франциско, Нью - Йорке и Чикаго. Места заражения выбирались с относительно небольшим скоплением людей. В этот раз ставилась более масштабная задача.

Моделирование распространения инфекции по всей территории США.

Показатели данных экспериментов показали, что например, при выборе ну, хотя бы автобусной станции в качестве точки заражения, эпидемия распространяется в кратчайшие сроки на две - три сотни миль.

Будет несправедливым не заметить, что полулегальные эксперименты на людях в Форт – Детрике так же проводились, однако ставились они, исключительно на добровольцах из числа солдат.

1969 году 25 ноября президент США Ричард Никсон сделал официальное заявление, согласно которому, биологическое оружие объявлялось вне закона.

Незадолго до этого, в Форт – Детрике произошли по меньшей мере, весьма странные ЧП. В отдельных казармах добровольцы - испытуемые вдруг внезапно дружно заболели, все симптомы носили характер ку - лихорадки. Впоследствии оказалось, что их заразили без их личного ведома и согласия. На сегодняшний день, официально комплекс Форт – Детрик используется в оборонных целях. Хотя... Всеми ли можно, и нужно верить...

IV

Древнейшие хроники буквально наводнены, так сказать: "Божественными Велениями". В старом завете немало описаний того, что сегодня назвали бы бактериологическим оружием. В Моисеевых книгах (Левит – 26) можно, к примеру прочесть: «И наведу на вас мстительный меч... И пошлю на вас моровое поветрие, и преданы будите в руки врага». Или «И накажу живущих в земле Египетской так, как Я наказал Иерусалим мечем, голодом и мором». (Иеремия - 44)

Испокон веков люди наводили напраслину, подозревая друг друга в умышленном заражении всякого рода заразы, объясняя болезни колдовством или сглазом. Как только появлялись эпидемии, тут же находились виновники, то бишь ведьмы да колдуны, впрочем, и их проказа не щадила.

Да, кстати, советую почитать Вам, мои уважаемые читатели «Альпухару. Гренадскую балладу». Адама Мицкевича. Где приводится яркий пример, чрезвычайно хитрой бактериологической диверсии в самом сердце вражеского стана.

Надо полагать, навряд ли человеческая мудрость способна спасти то же человечество, ну если хорошенько поразмыслить о наших так сказать, интимных отношениях с бактериями и вирусами, которые нещадно уничтожают род людской на протяжении многих веков.

С тех самых пор, как Антони ван Левенгук открыл и описал бактерий, ученые мужи шагнули далеко вперед научившись не только выращивать, но и менять код оных, что позволяет одним бактериям выдавать себя за другие. Более того, выведены совершенно новые штампы доселе неизвестных болезней, способные поражать жертву по расовым, генетическим и половым признакам. Не правда ли пугающе?

Однако, самое время упомянуть о докторе Кене Алибеке (Канатжане Байзаковиче Аликбекове.) Ученом - микробиологе специалиста в области инфекционных заболеваний и иммунологии, доктора биологических наук. Бывшем полковнике Советской Армии, перебежчике посвятившего первую

часть своей жизни разработке биологического оружия, вторую же, ее уничтожению. Закончив в 1975 году Томский медицинский институт на факультете «Инфекционные заболевания и эпидемиология». Канатжан Байзакович в течение семнадцати лет работал в объединении «Биопрепарат» при Совете министров СССР, занимавшейся разработкой и испытаниями Биологического оружия. С 1988 по 1992 гг. занимал должность первого заместителя начальника Главного управления «Биопрепарат» был научным руководителем множества программ по разработке биологического оружия и биозащиты. По полному праву считается одним

из ведущих специалистов мирового уровня в области иммунологии, биотехнологии, биохимического синтеза, а также, острых и хронических инфекционных заболеваний.

В 1990 году Кен Алибек направил письмо первому президенту СССР Михаилу Сергеевичу Горбачеву, в котором аргументировано настаивал на полном закрытии программы биологического оружия в СССР получив согласие, ученый лично руководил ее ликвидацией.

Считая биологическое оружие самым аморальным из всех существующих, Кен Алибек в 1992 году увольняется из Управления с несогласием продолжать дальнейшие военно - биологические разработки. В этом же году после недолгой работы в коммерческом московском банке, эмигрирует в США.

Уже в 1999 году в свет вышла его книга, написанная в соавторстве с известным журналистом Стивом Хендельманом «Biohazard» в русском переводе «Осторожно! Биологическое оружие!»

Возможно, личность доктора Кена Алибека самая противоречивая. Во всем цивилизованном мире его считают человеком остановившем гонку биологического оружия. В России же предателем Родины уничтожавшем (И слава Богу!) крупную военную программу, предав ее гласности.

Но не стоит надеяться мои уважаемые читатели, что на этом, бактериологическая опасность исчерпана.